

1966

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

52503

УВАЙСИ

ИЗБРАННОЕ

Издательство ЦК КИ Узбекистана
Ташкент — 1981

1981

Узбекистон Республикаси
Ўзбекистон Республикаси

Редколлегия: Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Расулев Х. Р., Рустамов А. Р., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М., Мухтарова Х., Абдурахманов Ф. А.

Перевод **Сергея Иванова**

В этой книге собраны образцы лирического творчества известной узбекской поэтессы первой половины XIX в. Увайси.

Составитель **Махбуба Кадырова**
Редактор **Борис Пармузин**
Рисунки художников **П. Воронкина, К. Чепракова, Т. Жамалиддинова, Н. Кузыбаева, Р. Хабиба**

У-18

Увайси.

Избранное (Сост. М. Кадырова; Редкол.: Д. Д. Джаббаров и др.; Пер. С. Иванова.— Т. Изд. ЦК КП Узбекистана, 1981.—160 стр.—(Избранная лирика Востока.)

В надзаг.: АН УзССР. Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

Уз1

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1981

УВАЙСИ

Джахан-Атын Увайси — поэтесса, принадлежащая к числу классиков узбекской литературы, автор дивана лирических стихов и нескольких дастанов. Увайси — уроженка Маргилана, жила затем в Коканде, была близка к известной поэтессе Надире.

Джахан-Атын Увайси прожила более шестидесяти лет.

Рукописные диваны Увайси хранятся в Институте востоковедения имени Беруни АН УзССР и в библиотеке Андижанского государственного педагогического института. Большие заслуги в исследовании рукописного наследия поэтессы принадлежат А. Каюмову, Х. Раззакову, У. Рашидову, Т. Джалалову, Э. Ибрахимовой.

Многочисленные мухаммасы Увайси на газели Навои и Физули, ее литературные подражания, комментарии к стихам Бедия и другие сочинения являются свидетельством большого таланта поэтессы. В творчестве Увайси прославляется человек, красота природы, дружба, любовь, верность и преданность. В ее стихах звучат печаль и скорбь о тяжелой доле, безрадостной жизни современных ей женщин. Для творчества Увайси характерны газели, наполненные социальным содержанием.

Для поэтессы великая радость — добрая беседа с любимым, общение с другом. Однако лирический герой Увайси, живущий в возвышенном мире мечты, сталкивается и с недостойными людьми, и с низменными явлениями. «Гнет времен» тяжело ранит ее сердце, «неразумные люди» (невежественные ханжи) вызывают боль в ее душе. Горький стон вырывается из груди поэтессы: «Я в мире верности не знала». Временами в стихах зву-

чат отчаяние и безнадежность, она помышляет о том, чтобы уйти от «людских распрей». Но и в самые трудные мгновения, когда поэтесса томится «пленницей бед и напастей», она мечтает найти таких же «страждущих» и «мечтающих о сокровенном», чтобы излить перед ними свои страдания.

Основу творчества поэтессы составляет вера в торжество человечности.

Как и вселенной быть велел круговорот времен
на время,

Так человеку дан удел быть гостем сих сторон
на время...

Приходит время пышных роз, и пышно розы
расцветают,

Но ярок цвет у красных роз — увы, таков
закон — на время.

О Увайси, ты зря не трать мгновений, пой
неутомимо, —

Ведь милосердья благодать дана тебе, как сон,
на время.

Из литературы известно, что Увайси долгое время учительствовала. Поэтесса создала для своих учеников много загадок и прибауток, способствовавших воспитанию в детях сообразительности и любви к словосочетаниям.

Увайси своим неповторимым творчеством завоевала признание современников. Поэтесса Дильшод в одной из своих газелей высказала величайшее уважение к Увайси, приравняв ее к Надире.

Я лишь скажу о Надире — все вспоминают
Увайси, —

Обеим рядом им стоять — во все так будет
времена.

Они достоинством равны величию тысяч
поэтесс,

И каждая из них двоих величием другой
равна.

Творческое наследие Увайси, отличающееся глубоким содержанием и большим художественным мастерством, будет жить долгие годы, доставляя немалую радость читателям.

М. КАДЫРОВА.

ГАЗЕЛИ

* * *

Доброй речью порадуя, попугай сладкогласный,
Будь всем людям усладой, как и мне, разнесчастной.

Кинь же мне взор нестрогий, чаровник беззаботный,
Жду тебя на дороге в смертной муке я страстной.

Не гони же, не надо, меня прочь, о садовник, —
Цвет предвечного сада от моей крови — красный.

Я пройду оба мира, горемыкой скитаюсь.

Глянь, как мучусь я сиром, — ни к чему гнет
напрасный.

В поле рдеют тюльпаны моей кровью багряной,
Жгут они мои раны страшной болью всечасной.

О, внемли гласу зова той, что гибнет от жажды, —
Дай испить мне хмельного, виночерпий всевластный.

Тебе чуждо недаром красоте поклоняться, —
Удавься же зуннаром ты, святоша бесстрастный!

Хоть любимый и ранит, Увайси, будь же верной,
Пусть другой не приманит — даже самый
прекрасный.

* * *

Кумир, увенчанный чалмой, я жизнь тебе отдать
готова,
Паду я жертвою немой, едва твое услышу слово.

Твоей красе свет солнца дан, все очи солнцу в дар
отдам я,
И мой согбенный горем стан — не жертва ль твоего,
прямого?

Отсесть готова руки я ради твоих — добро
творящих,
И дар тебе — душа моя: твоих очей она ждет зова.
Невольникам любви твоей, увы, вовек не будет
воли, —
Тенета мускусных кудрей — силок, раскинутый
для лова.

Всех лекарей я обошла, нища от мук моих
лекарство, —
Все мне сказали: «Путы зла ты скинешь, с милым
свидясь снова».

Поверь мне: кто не чтит твой лик, тот навсегда
далек от веры, —
Пусть нечестивцев-горемык постигнет кара
всеблагого.

Увы, сложить ты не смогла стих о моей душе
влюбленной,
Но, Увайси, тебе хвала и за поведенное слово!

* * *

Дай, кравчий, алого вина пригубить из фиала мне,
Чтоб милый лик в мерцанье дна красой светился
ало мне.

Кровавой раной ноет грудь, а он не шлет мне
стрел-ресниц, —
Увы, не хочет и взглянуть — хоть раз послать
их жала мне.

Чья страсть бы удержала гнев на злой совет
забыть тебя,
Кто б, зов советчика презрев, себя не сжег
перед тобой?

Кто, как Аяз, разумным был и мудрый ум бы
сохранил,
И от мечты познать твой пыл себя сберег
перед тобой?

Кто чудною красой твоей, лишь глянув, не был бы
прельщен
И тут же у твоих дверей рабом не лег перед тобой?

Лейли, что краше всех зеркал, сводила любящих
с ума, —
Кто б от любви во прах не пал в пыли дорог
перед тобой?

Поверь мне, право, взор ничей не вынес бы красоты
твоей, —

Кто бы себя, о свет очей, пасть не обрек
перед тобой?

Хоть Увайси лежит теперь, припав к порогу твоему,
Она ли выскажет, поверь, хоть раз упрек
перед тобой?

* * *

О, если б гостьею хоть раз меня позвал
любимый друг,

О, если б сердце мое спас он из темницы
бед и мук!

О сердце, обрети покой и чашу горестей отринь,
Творец от нас своей рукой да отведет лихой недуг!

О розоликий, пожалей, — ты ведал ли, как жить
без роз?
Душа моя — как соловей: разбужен ее стон тобой.
Не внемлешь ты моей мольбе — увы, мне милостей
не ждать,
Жизнь моя — дерзкий дар тебе, — лишь был бы
он прощен тобой!
Не чтущих верности наказ постигнет грозной
кары гнев,
Но кто был верен хоть бы раз — не будет обделен
тобой.
Сильнее заблужденья нет, чем у людей просить
любви,
Но да хранится ее свет, о чудо всех времен, тобой!
Нет, Увайси не ведать чар — даруемых
свиданьем уз:
Увы, отвергнут ее дар, что в жертву принесен, —
тобой!

* * *

Не тайну новых ли скорбей ко мне мой друг
несет, — не знаю,
Иль он — друг горести моей, всех моих
бед-невзгод, — не знаю.
То — бьет волною вал морской, вздымая пенные
потoki,
Или, взвехрен моей тоской, то — слез водоворот, —
не знаю.
«Ужель мучениям моим быть вечно?» —
чуть влачась, я кличу,

Или готовит боль другим его жестокий гнет, —
не знаю.

Я на красу твою взгляну — язык мой нем
ее восславить, —

Она томит меня одну или весь мир влечет, —
не знаю.

«Тебе моих соперниц рой милее!» — я ему
сказала, —

«Что ж, — отвечал мучитель мой, — запрещен этот
плод? Не знаю!»

То жар моих палящих мук твоя немилость
разжигает

Или тоска-печаль разлук клеймом мне душу
жжет, — не знаю.

Как, Увайси, ты сладишь с ним? Не мучь себя ты
понапрасну, —

За что соперницам моим и верность и почет, —
не знаю.

* * *

Любовь! Я моей плоти нить огню святому
жертвую,

Тому, пред кем мне слезы лить, я страсть-истому
жертвую.

Не диво, что в мольбе моей я ниц лежу
без памяти, —

Я разум мой его бровей, увы, излому жертвую.

Томиться не престану я, недвижна в моих
горестях, —

Весь пыл мой его стану я, как ртуть живому,
жертвую.

Твое веселье — грусть моя, мне — по тебе
печалиться,

Все, что имею, другу я, мне дорогому, жертвую.

Наряжен ты, а я с сумой бреду в посконном
рубище, —

Я все тебе, о стройный мой, а не другому
жертвую.

Неведом сон мне и покой — все о тебе
мечтаю я, —

Все ночи я мечте такой — сну неземному
жертвую.

О Увайси, в стихах твоих — не место многословию:
Не будет твой жемчужный стих стиху плохому
жертвою!

• • •

Узрела я красу времен — не друг ли это мой?
Венец, задорно накренен, блестит над головой.

Покорную найдешь ли прядь в клубке его кудрей?
И гребешком не расчесать волны их вихревой.

Сказать, что сонмы мертвецов устами
ты живишь, —

То значит — лгать наглей лжецов: ты — сам родник
живой!

И каждый час и миг — всегда мой друг в моих
мечтах,

И страсть моя — как день Суда, гонима я молвой.

О мой любимый, взор твой лих: жжет мое сердце
кровь,

И в каждой из ресниц твоих — не меч ли
роковой?

Влюбленным ведом ли чертог, где смелой силы
власть?

Нет, если ты влюблен,— урок влюбленности
усвой!

Где нет тебя — моим очам не видно ничего,
Да верит ли моим речам лукавый разум твой?

Ты, Увайси, тоской полна, а друг твой не спросил:
«Что ж ты смиренно так скромна в печали
горевой?»

• • •

Ты был мне другом, но, увы, теперь твоя вражда —
мне кара,

Повсюду — пересуд молвы, позорище стыда —
мне кара.

Кому ж, о сердце, твой упрек, и на кого тебе
сердиться?

Любимый сам, увы, жесток,— он, чья душа
тверда,— мне кара.

И нет спасенья мне от бед, и я в отчаяньи взываю:
«Едва душе забрезжил свет, и вот опять беда —
мне кара!»

Дитя беспечности самой, всю жизнь ты прожил
беззаботно,—

Не думай, о мучитель мой, что страшный
день Суда — мне кара!

Любимый скажет о любви — ты, сердце, тайну ту
не выдай. —
Ты знаешь горести мои: его любовь — всегда мне
кара.

Везде мне горько от невзгод, и горек суд молвы
злорадной,
Но милых уст сладчайший мед — страшней того
вреда мне кара.

Одну лишь муку не снеси — и сразу тысяч благ
лишишься,
За миг блаженства, Увайси, стократ сурова мзда
мне — кара.

* * *

Дано мне страсть мою терпеть в обители земной, —
Бог да позволит ей и впредь в могиле быть
со мной!

И что Меджнун! Он — сумасброд, бродящий
за Лейли.

В тайник железный закует свою любовь иной.

И что Ширин или Фархад! Вот птица Феникс
есть, —

Воскреснуть вновь, сгорев стократ, присуще
ей одной.

Кто ищет, тот и недалек от цели тайных дум:
Он лишь до срока, одинок, проходит стороною.

Все сердце болью пронзено — ран ревности
не счесть, —

Вот тебе ветхое рядно, — молись, ханжа дурной!

Не спрашивайте, — все обман, — где сердце
Увайси, —
Оно — в груди того, чей стан сверкает белизной.

* * *

Ужели, друг мой, ты мой пыл, меня, злосчастную,
отвергнешь,
И слёзы — ты из них бы сшил одежду красную —
отвергнешь?

Ужели с ликом гордеца презришь ты мою злую
долю
И нас создавшего творца ты волю властную
отвергнешь?

Безумец, степь — путь вольный твой, не сей же
семена печали, —
Ужель, отвергнутый толпой, ты ширь прекрасную
отвергнешь?

Слезой, отшельник, истеки, желая единенья
с тайной.
Ужель ты глуби сей реки рукой бесстрастную
отвергнешь?

И если злой и подлый — всяк любовь и страсть
лелеют в сердце.
Ужель ты тайну высших благ, к любви причастную,
отвергнешь?

О мой властитель, неспроста ты взором жаждешь
алой крови, —
Ужель ты алые уста с их страстью ясною
отвергнешь?

Ужель тебе в молитве жаль страданья Увайси
припомнить,
Ужели ты ее печаль, с твоей согласную,
отвергнешь?

* * *

Я твоих родинок зерно и сеть кудрей-бичей
восславлю,
Твоим очам губить дано, но я и взор очей
восславлю.

У твоих уст и сладких слов Иса учился
сладкоречью, —
Всех мертвых воскресит твой зов, — я звук
твоих речей восславлю.

А полумесяцы бровей ты точишь к празднику
закланья,
Паду я жертвою твоей и все же палачей
восславлю.

Жгу плоть я мукой огневой, душою, как свеча,
сгорая, —
Не зажигай светильник свой — я тьму моих ночей
восславлю.

Гонец! В очах померкнул свет, пока тебя ждала я
с вестью, —
Ту весть, которой долго нет, стократ я горячей
восславлю.

О виночерпий, в жажде пью я влагу слез моих
кровавых
И чашу щедрую твою — хмель искристых лучей
восславлю.

Хоть рифма, Увайси, тесна, но я мечту о луноликом
 В свои стихи вложу сполна — твой облик,
 как ничей, восславлю!

* * *

Всю кровь до капли я устам твоим румяным
 жертвую,
 А светоч веры я ночам, тьмой осиянным, жертвую.

Я весь мой разум, весь мой ум отдам за твои
 родинки,
 Мечты и помыслы всех дум — ланитам рдяным
 жертвую.

Мой взор, о чаровник, томим твоей красою дивною,
 Все, во что верую, — твоим кудрям я пряным
 жертвую.

Когда, в човган играя, шар ты гонишь
 по ристалищу,
 Тебе я голову как дар, склонившись станом,
 жертвую.

Дневного света каждый миг и солида блеск
 полуденный
 Я тьме, когда твой лунный лик покрыт туманом,
 жертвую.

Я капли-перлы слез моих и блески слез
 рубиновых
 Жемчужинам зубов твоих, губам багряным
 жертвую.

Узнай же, Увайси, в чем суть: чтобы воскреснуть
 заново,
 Ради возлюбленного будь всем твоим ранам
 жертвою.

О жизнь, свой свиток не пиши,— или цвет роз
постыл тебе?
Язвить шипами не спеши,— иль соловей не мил
тебе?

И пусть не каждая рука притронется к твоим
кудрам,
И гребень в ней замрет, пока он кудри не развил
тебе.

Пловец пучин души, плыви, дружа с глубинами
надежд,—
Неужели в морях любви не нужно больше сил тебе?

Меня он гонит, зол и строг, а я униженно молю:
«Позволь мести мне твой порог,— не люб мой
рабский пыл тебе?»

О виночерпий, дай вина,— душа исходит горлом
прочь,—
Быть может, чаша не нужна, куда вино ты влил,
тебе?..

Кровь, Увайси, твоей души — как розы, что
садовник рвет,—
О жизнь, свой свиток не пиши,— или цвет роз
постыл тебе?

Твоя краса — как солнца свет, сияющий с высот
мне,
А без тебя мне солнца нет — не светит небосвод
мне.

Мне лань степная не нужна, чей мускус благовонен,
Когда твоих кудрей волна благоуханье шлет мне.

И любо мне в печальный миг по саду прогуляться,
Но стройный стан твой, яркий лик милей
его красот мне.

О лекарь, нет, ты мой недуг вовеки не излечишь,
День ото дня все больше мук, все более невзгод
мне.

И не печалься, если я от ревности бледнею, —
Тебе я верю: речь твоя знак верности дает мне.

Я, не моргнув, глотаю яд вражды моих соперниц:
Твои уста его сластят, они — как сладкий мед мне!

Зазорно ль Увайси от ран в беспамятстве
кружиться?

Такой моею страстью дан судьбы круговорот мне!

* * *

Когда я не среди кутил, одна печаль дана мне,
А с ними быть — не станет сил: соперниц месть
черна мне,

Когда далек свиданья миг, я сердцем не печалюсь:
В ночи разлук твой ясный лик сияет, как луна, мне.

Горю в любви, а где исход? Жесток огонь разлуки,
А миг свидания придет — зачем же боль нужна
мне?

Под тяжким грузом бед и мук во прах распалось
сердце,

И все обрушилось вокруг, и даль, увы, темна мне.

Но не злорадствуй, супостат: нижу я стойко четки,
Когда злой рок слать беды рад в лихие времена
мне.

Налей мне, кравчий,— что тебе! Судьба грозит
мне смертью,

И легче жизнь вручить судьбе, когда ты дашь
вина мне!

Нет, Увайси, нимало зла в мечтах о встрече
с другом,—

За то, что я не умерла,— раскаянье цена мне!

* * *

Кто встретится с любовью, тот весь век свой
в муке проведет:

Его кружит водоворот, он сна не знает от забот.

Мечта о друге повелит ему от мук стенать навзрыд,
И в бездне гибельных обид его вихрит круговорот.

Смотри, не выдай тайн своих тому, кто зол
и сердцем лих,

Не то и самых преблагих досада на тебя возьмет!

Кто солнечной красой прельщен, страсть в сердце
да сокроет он:

Скрывает звезды небосклон, едва засветится
восход.

А мрак разлук тебя настиг — мечтай о свете
каждый миг:

Пусть пред тобою лунный лик в кромешной тьме
кудрей встает.

Тоскою любящих сердец испепеленное вконец,
Содвинув набок свой венец, уходит солнце
на заход.

Забудь, о сердце, этот стих — да будет и покой
твой тих,
Чти, Увайси, друзей своих, любимой быть —
не твой черед!

* * *

Ни к чему напрасный мой вопрос о твоей доле,
соловей.
Знаю я: тебе колючки роз сердце искололи,
соловей.

Я пришла, слышавши тебя, в этот дол —
твой заповедный сад, —
Дай мне быть, от горя не скорбя, гостьей
в этом доле, соловей.

Я пришла, разбив оковы сна, услышать твой
предрассветный стон, —
Был ты от зари и допоздна пленником неволи,
соловей.

Сколько ты томился средь ночей, розу о свидании
моля,
И, не видясь с розою своей, ты страдал от боли,
соловей.

В миг свиданья стон ты свой сдержал, свидевшись
с любимой, наконец.
Но, исколот остриями жал, плакал поневоле,
соловей.

Что ж, терпи ради желанных встреч и шипы и жала
вешних роз,
Алой кровью от любви истечь — жребий твоей
доли, соловей.

Если твоя роза не красна, Увайси, то в этом нет
вины:
Плакать кровью слез, не зная сна до зарн, легко ли,
соловей?

* * *

Пришла разлука и меня с ума свела, —
таков мой рок,
Я мотыльком в пылу огня сгорю дотла, —
таков мой рок.

Молясь творцу всех сущих благ и рвенья
повязав кушак,
Я в путь любви за шагом шаг одна пошла, —
таков мой рок.

Не дали мне допить до дна фиал заветного вина,
За грех была мне суждена одна хула, —
таков мой рок.

Мне тело жег любовный пыл, он сердце
твердости лишил,
Людская злоба свыше сил меня гнела, —
таков мой рок.

Налей же мне вина, о друг, — пучина бед бурлит
вокруг,
Хмельна я — чаша зла и мук мне тяжела, —
таков мой рок.

О любимом светлом лике. Увайси, мечтай
всечасно, —
Ведь блестят пылинки-блики лишь в лучах
покрова солнца!

* * *

Не опускай на лунный лик ты кудри
пеленой-завесой,
Не укрывай хотя б на миг свой взор ресниц
сплошной завесой.

Стезю горьких горемык к тебе я шла —
меня отверг ты, —
Не закрывай, о чаровник, уста передо мной
завесой.

И, если в чем оплошна я, скажи и не стыди
потайно,
Чтоб тайно доброта твоя не крылась
за стеной-завесой.

Ты, может быть, теперь вино из рук соперницы
вкушаешь, —
Об этом знать мне не дано: ты с ней сокрыт одной
завесой.

«Какой ты умысел берег, скажи, — ты мне дороже
жизни,
Что утаил ты в ямках щек за скрытой, потайной
завесой?»

Тогда в ответ на мой укор сказал жестокий
мой мучитель:
«Не ревность ли тебе твой взор заволокла двойной
завесой?»

О, если б сердцу путь пролег к соединению
с любимым!

Но злобный рок всё обволок своею злой, дурной
завесой.

Ханжа, ты лишь в себя влюблен, —
над отрешенными не смейся, —
Как бы тебя их дымный стон не скрыл навек
ночной завесой!

Твой, Увайси, печальный стих любви твоей
всю тайну выдал,
Но да сокроет от чужих ее твой стон больной —
завесой!

* * *

Хвала творцу, твой дивный лик мне даровал
сам рок,
Будь милостив, о чаровник, не будь ко мне
жесток.

Тот лик, что сердце мне смутил, узреть я
не смогла,

И я, устав, почти без сил, пришла на твой порог.

Мне твои стрелы злей огня все тело болью жгут.
О лекарь, излечи меня, я вся — сплошной ожог.

Одна мечта во мне и страсть — быть попоранной
во прах, —

Я жизнь отдам за то, чтоб пасть во прах
у твоих ног.

Идите, люди, стороной, не видя мук моих, —
Лишь гляну я — и предо мной тот, кто мне
сердце сжег.

С тобой — другие, знаю я, и мне не быть с тобой,
Дай лишь сказать мне, не тая, про боль
моих тревог.

Захочешь — Увайси убей, ей голову снеси
И на коне гонись за ней, как за мячом игрок.

* * *

Если я перед тобой грешна, скрой мою вину,
не попрекай,
Если, гнетом мук сокрушена, горько я вздохну,—
не попрекай.

Кто бы разделил со мной беду, я нигде на свете
не нашла,—
Если кровью слез я изойду у скорбей в плену,—
не попрекай.

Раненой душе моей невмочь, горестное сердце
мучит боль,—
Если я, прося тебя помочь, боль упомяну,—
не попрекай.

Если на жестокий этот свет я тебе пожалуюсь,
о друг,
Если в речи с тысяч моих бед сдерну пелену,—
не попрекай.

Доброты и милости твоей сколько бедных молит,
как и я,—
Ты же добр,— несчастных пожалей: хоть меня
одну не попрекай.

Если, по тебе томясь, мой друг, я умру, твой лик
не увидав,—
Значит, мое солнце, в стуже мук я навек усну,—
не попрекай.

Знаю я, что я тебе чужда, но внемли, счастливец,
Увайси:
Люб ты мне, желанный, навсегда,— за мою вину
не попрекай.

* * *

Той крови, что мне тело жжет, твой лик,
как роза ал, под стать,
А сердцу, ведавшему гнет, колючки твоих жал
под стать.

Других не укоряй виной и гневных слов на них
не трать,—
Лишь мне, от горестей больной, твой гнев всегда
бывал под стать.

Когда, пируя по ночам, ты станешь сладкий сок
вкушать,
Твоим хмелеющим очам, поверь, хмельной фиал
под стать.

А пряный мускус твоих щек лишь на меня дохнул
опять —
Тот благовонный ветерок весне благоухал
под стать.

Молю я с твоего пути меня, злосчастную,
не гнать:
Чтобы всю пыль с него смести — слёз моих
горьких вал под стать.

Очищу сердце я от бед, тебя в тоске я стану
ждать,—
Его мерцанья слабый свет тебе, как он ни мал,
под стать.

О Увайси, чтобы не стыл огонь в тебе,
пылай опять —
Гори, чтобы безумный пыл румянцу друга стал
под стать.

* * *

То наяву или во сне ко мне желанный движется?
Он меня ищет, ясно мне, — в тревоге странной
движется.

Мудрец, я от тебя не жду в мученьях страсти
помощи, —
Ко мне — на радость и беду — мой долгожданный
движется.

Творец! Ужель я у дверей, в счастливых сад
распахнутых?

Благоухание кудрей волной дурманной движется.

Но нет, мне радости не знать, пока мой век
не кончится:

Смотрю, а друг мой милый, глядь, в тоске
нежданной движется.

Нет, кравчий, до краев не лей вина мне:
от волнения,

Смотри, дрожит в руке моей фиал чеканный,
движется.

Нельзя, ханжа, — вот что усвой, — корить гуляк
хмелеющих:

Лишь захмелеешь — разум твой во мрак туманный
движется.

А Увайси хитрит с тобой, тебя лишая разума:
Очей коварной ворожкой взор их обманной
движется.

* * *

Прости, мой друг, тебя найти мне было недосуг,
И посидеть с тобой, прости, мне было недосуг.

«Иди, — я думала, — пройдишь, а я останусь
здесь», —
С тобой быть вместе в том пути мне было недосуг.

Пришла я в этот сад-цветник, и розой рдел мой лик,
Но я страдала, и цвести мне было недосуг.

Кувшин был полон, и в фиал мне кравчий
подливал, —
Другим хмельного поднести мне было недосуг.

Моя к тебе, любимый, страсть взяла над сердцем
власть,
Любовь неволить взаперти мне было недосуг.

Твой лик — как роза меж ветвей, а я — как
соловей.
Но стон мой жаркий вознести мне было недосуг.

Поверь мне, я, твой верный друг, томлюсь в плену
разлук,
Но свидеться с тобой, прости, мне было недосуг.

* * *

От стонов страсти все сгорело мое жилище —
сжег огонь,
Да что там дом! Жег душу, тело от головы до ног
огонь.

Любовный пыл томит влюбленных, их доля — плач,
их участь — стон,
Я — соловей, и в моих столах, в моих слезах
жесток огонь.

И что там дом, душа и тело, мои стенания и плач!
Все до костей во мне истлело, все жаром обволокло
огонь.

«К тебе я рвусь всей страстью пыла!» — ты мне,
о друг мой, говорил,
Но все, что было тебе мило, теперь сгореть обречено
огонь.

То слева заходя, то справа, ты о любви меня молил,
И вот тебе — хвала и слава! — спасись от мук
помог огонь!

Когда, к тебе пылая страстью, зажгла я
в моем сердце жар,
Увы, случилось быть несчастью: весь Маргилан
поджег огонь!

О Увайси, когда полюбишь, то не сгореть уже
нельзя:
Любовью ты себя погубишь — тебя в свой жар
завлек огонь.

Тому, кто любит, суждено на милый лик молиться.
Им — сладких уст желать дано, на тот родник
молиться.

И соловей заводит стон, страдая днем и ночью,
И до рассвета любит он на свой цветник молиться.

Твой лик, что краше всех зеркал, искала и
нашла я,
Но злых соперниц помешал мне злобный крик
молиться.

С тобой в разлуке день-деньской мечтаю я,
о друг мой, —
Мне хоть бы и на отблеск твой — на тусклый блик
молиться.

Что ж, если, милость не тая, придет он —
разве диво?
Ведь не один такой, как я, ему привык молиться!
В очах моих — кровавый свет, и зёрна крови
рдеют,
Но это — не тюльпаны, нет, и мне в тот миг —
молиться...

И если Увайси, любя, склонилась восхищенно,
Знать, ей привычно чтить тебя и на твой лик
молиться.

* * *

Обо мне бы ты, друг мой, мечтал в помышленьи
своем ежечасно, —
Образ мой пред тобой бы витал, и мы были б
вдвоем ежечасно.

Если любишь — безгласен и нем, приучи себя
к долготерпенью,
Не обмолвись о чувстве ничем, только думай о нем
ежечасно.

Лик твой — роза весенней порой, и в устах твоих
речи медвяны.
Вижу матовых родинок рой на челе я твоём
ежечасно.

Кто тебя полюбил, тот постиг судной ночи
предвечную тайну:
Твои кудри — как ночь, а твой лик светит
блещущим днем ежечасно.

Твоей бровью предвечный писец начертал мое имя
на свитке, —
О любимый, пойми ж, наконец, — смертной чаши
мы ждем ежечасно.

День и ночь, за мгновением миг Увайси посещает
виденье:
Твоих уст животворен родник, и журчит он ручьем
ежечасно.

* * *

От скверны сердце я отмыла, о друг мой, —
посети меня,
К костру, где страсть меня спалила, приходи
погреться у огня.

И если тех, кто жив любовью, ты за строптивый
нрав казнишь,
Окрась цветник моею кровью — приходи, без жалости
казня.

Раскайся в ревности бурлящей и верным другом
моим стань:
Пойми, кто друг твой настоящий, вражду к врагам
своим храня.

О сердце, пленник ты усталый в неволе
сладкозвучных уст, —
Разбей же всех мучений скалы, если Фархад —
тебе родня.

И чтобы в облике любимом тебе свет истины
узреть,
Броди Медждуном одержимым, себя в пустыне
хороня.

Здесь Увайси с тобою рядом по-соловьиному поет, —
Ты спой в саду таким же ладом, стеноя
на рассвете дня.

* * *

Как и вселенной быть велел круговорот времен
на время,
Так человеку дан удел быть гостем сих сторон
на время.

И соловей поет, пока хмельная его песня льется, —
Дарами сада-цветника, увы, он одарен на время.

О, если бы тебе был дан творцом навеки жребий
славный!

Не вечен был и Сулейман: в сей мир пришел и он
на время.

Всей твоей жизни вешний цвет — любовь, — омой
ее слезами:

Лихую тяжесть мук и бед да облегчит твой стон
на время.

И да не будут смежены вовеки твои очи, сердце, —
Ведь даже полный круг луны сияньем озарен
на время.

Приходит время вешних рос, и пышно розы
расцветают,

Но ярк цвет у красных роз — увы, таков закон —
на время.

О Увайси, ты зря не трать мгновений, пой
неутомимо, —
Ведь милосердья благодать дана тебе, как сон,
на время.

* * *

Когда б вы знали, как мой друг посева бережет
любви, —
Он дарит страждущим от мук даянья от щедрот
любви.

Когда копну кудрей своих расчесывает гребнем он,
Под стать Меджуну вид у них — волнящихся
тенет любви.

Когда он глянет, яснолиц, на неприкаянных
бродяг,
У глаз его чреда ресниц — как строгий страж,
оплот любви.

Едва лишь вступит человек под сень столь дивных
райских кущ,
Он у журчащих негой рек всю красоту найдет
любви.

И разве диво, что давно уж птица сердца рвется
высь, —
Увидев родинку зерно, ей любо взмыть в полет
любви.

И потому мой пыл далек от всякой суеты людской,
Что сердце презрело порок и жаждет лишь высот
любви.

Веселый пир мне мил и люб улыбкой друга моего:
Вдруг между двух рубинов губ жемчужина блеснет
любви.

А мой любимый сладкоуст обронит лишь единый
звук —
Улыбкою медвяных уст влюбленным дарит мед
любви.

* * *

Твоим ресницам мучить всех казнью кровавою
привычно,
Убийство жертв — тебе не грех: грозишь
расправою привычно.

О, не гони, любимый мой, меня от твоего порога, —
Влюбленным всюду за тобой бродить оравою
привычно.

Паду я в пыль на твой порог, чтоб очи исцелить
той пылью, —
Тебе для ловли душ силок считать забавою
привычно.

О ясноликий! В сердце мне запали смута и
тревога, —
Тебе влюбленных жечь в огне своей управою
привычно.

Я ныне горько слезы лью, чтоб затушить огонь
разлуки, —
Ведь мне оплакивать мою судьбу неправую
привычно.

О люди, горю моему внимлите, пощадите сердце:
В обломках тела — стыть ему, томясь отравою,
привычно.

А с небосвода свет двойной тебе, о Увайси,
сверкает:
Тебе и с солнцем и с луной дружить,
с их славою — привычно.

* * *

Если друг мой, розоликий, стройный станом,
выйдет в сад,
Кипарис — в тоске великой, розы тотчас облетят.
А весной едва он глянет, и рубины уст блеснут —
Весь в крови, бутон увянет, пылом ревности объят.
Душу я в глубинах тела затаю, а гость придет —
Перед ним рассыплю смело, лишь завидю его
взгляд.

Солнцем, скрывшимся за тучей, милый друг ко мне
придет:
Светоч лика его жгучий кудри черные темнят.
О садовник! Мне не надо кипарисов с их красотой:
Мой любимый в кущах сада ведь красивей их
стократ.

Увайси в огне палящем вся горит, как мотылек:
Суждено к лучам слепящим ей лететь — в огонь
и чад.

* * *

Ждать, чтоб любовь явила ум, как вы ни ждете,
невозможно,
Ждать от безумцев здравых дум при всей охоте
невозможно,

Любви томительный недуг и лучший лекарь
не излечит,
Увы, луну во тьме разлук вы не найдете, —
невозможно

Безбедные! Вам пользы нет ждать от меня
благоразумья
Быть жертве неизбывных бед у вас в почете
невозможно

О виночерпий, оживи, налей мне пенящийся
кубок, —
Мне таять, млея от любви в хмельной дремоте,
невозможно.

О сердце, прозорливым будь: смысл сокровенного —
не в блеске, —

Постигнуть потайную суть по позолоте невозможно.

О, не считайте за порок, что я себя сожгла
любовью;
Любовь познать, как мотылек, не сжегши плоти,
невозможно.

О Увайси, ты сил не трать — от пересудов
не спасешься,
Поверь мне: просто не внимать им надо,
хоть и невозможно!

* * *

Спалил меня любовный пыл, и кто ж на помощь
мне придет!
И прах мой прямо к небу взвил злой ветер
бедствий и невзгод.

Пусть не о розе соловей теперь поет и день и ночь,
А стонет о беде моей, к моей печали снизойдет.

Блится твоих уст коралл — пунцовый свиток
красоты,
На них влюбленным написал сам бог своих
велений свод.

Но пал покров с того чела, сверкнули очи-палачи —
И я, воскреснув, ожила: злой его взор мне жизнь
дает!

Он день и ночь в мечтах со мной, он мне дороже
всех святынь,
Но мне, забытой и больной, увы, не знать его
щедрот.

И не просите, чтоб скорей я сердце другу отдала:
Оно в силках его кудрей и не спасется из тенет.

В горах любви мой рок суров — крушить ногтями
кряжи гор,
Но я — Ширин, мой нежный зов к душе Фархада
путь найдет.

На пир любви мне нет дорог — кругом соперниц
злбный рой,
И сам любимый им помог на пиршество закрыть
мне вход.

Чертоги бедствий вознеслись вокруг тебя,
о Увайси,
Тверды они, но ты крепись: весь этот мир погибель
ждет.

* * *

Когда тебя хвалила я, как с этим ладить мог
рассудок?
Любовь и разум — не друзья, — как дружбу с ней
сберег рассудок?

И вдохновен, и заострен, как бровь любимого,
калям мой,—
Писал душой и сердцем он — ему ты не помог,
рассудок.

Понять ли вам суть моих дум в часы свиданий
с милым другом?—
Тогда все гибнет — разум, ум: увы, от них далек
рассудок.

Едва я милых уст родник и розам равный лик
припомню —
И прежде стывший, пуст и дик, стал, словно рай,
высок рассудок.

О сердце, милость мне яви — в огне любви сожги
мой разум:
Тем, кто томится от любви, дает дурной урок
рассудок.

Но, если взор его сердит, когда о нем веду я речи,
Тотчас беду предупредит и все уладит в срок
рассудок.

От Увайси не ждите — нет! — в делах любви
благоразумья:
В одном лишь ей являет свет — в красе вот этих
строк — рассудок!

* * *

Все люди, страсть в душе храня, хотят всегда
отрады,
Но у кого ж, как у меня, нет и следа отрады?
Взор у любимых — душегуб, уста — родник
живящий,
И мертвый ждет от милых губ хоть иногда отрады!

Любимый мой, хоть и затих в твоих устах звук
зова,
Но мне в твоих очах хмельных горит звезда
отрады.

Соперницы мне смерть сулят, а мой любимый
весел!
Кто же вражде бывает рад? Не шлет вражда
отрады.

Не говорите, что судьба не радует Меджиуна:
Его надежда и слаба, а не чужда отрады.

Фархад не тратил лишних слов, а сокрушал все
скалы,—
Ему любимой сладкий зов сулил года отрады.

Глянь, Увайси, как мил-пригож твой друг,
к тебе спешащий,—
Ему ты рада, хоть не ждешь ты никогда отрады.

* * *

Волей всеблагого буква «джим» над твоею
красотой парит,
Над устами — родником живым тень от поросли
густой парит.

Вспомню светоч твоего лица — согнут стан мой,
словно буква «даль»,
Так в строках предвечного писца «солнце»
над кривой дугой парит.

Сердце, хочешь смирным быть — не смей о глазах
любимого мечтать:
Над двумя газелями очей двух бровей изгиб
крутой парит.

Перед солнечным челом твоим как же мне
пылинкой не сверкать:
Вижу стан твой стройный, а над ним светоч солнца
золотой парит.

Сладкозвучный свой медвяный рот пологом
безмолвия закрой,—
Ведь известно всем: где сладок мед, там и мух
постылый рой парит.

Сохрани, о господи, от бед, от завистливых,
недобрых глаз
Красоты Юсуфа дивный свет, что над всей красотой
земной парит.

Слез не жди от Увайси: ей весть о свиданье
милый друг прислал,
И над всем она, что в мире есть, властною своей
мечгой парит.

* * *

Где б ни была я, рдеет грудь кровавым цветником,
увы,
И нет отрады мне ничуть, и в горле — словно ком,
увы.

Что ж небу, словно бы ожог, не быть кровавым,
как тюльпан?
Мне, бедной, кровожадный рок уже давно знаком,
увы.

Из рук того, кто так красив, как не принять мне
влагу нег?
Нектара страсти не вкусив, душа грустит тайком,
увы.

Теперь все люди любят всласть торгашество
в делах любви,
Продажны истина и страсть на торжище людском,
увы.

И как мне не рыдать от мук, и в чем пред ним
моя вина,
Когда, с другими добр, мой друг к соперницам
влеком, увы!

Что делать бледной розе тут — где кипарис
вознесся ввысь, —
Лишь кипарисы и цветут теперь в саду мирском,
увы.

Отшельник! Ты, душою свят, перед дурными
не винись, —
Отшельников всегда корят и попрекнут куском,
увы.

И жаждешь ты, а не проси у виночерпия вина,
И без вина о Увайси, ты в хмеле колдовском, увы.

* * *

О, заступи стопой мне очи, мой милый друг, —
мой взор тоскует,
О, будь мне гостем, всё жесточе томлюсь от мук, —
мой взор тоскует.

За что, скажи, о мой желанный, мне мука кары
непрестанной?
Уста твои благоуханны узреть бы вдруг, —
мой взор тоскует.

А ведь была я непостылой, — приди ко мне,
о друг мой милый,

Я жду тебя в тоске унылой, лих мой недуг, —
мой взор тоскует.

Иные взоров не боятся, друг друга ждут и
не таятся,
Лишь мне господь судил терзаться во тьме
разлук, — мой взор тоскует.

Устрой, о кравчий, здесь веселье, да будет
радостным похмелье.
Дай мне вкусить хмельного зелья из твоих рук, —
мой взор тоскует.

Во славу красоты усладной пропой скорее стих
свой ладный,
Да вознесется речи складной веселый звук, —
мой взор тоскует.

О Увайси, в твоей доле тебе ждать милого
легко ли?
Ручьями слезы поневоле текут вокруг, —
мой взор тоскует.

* * *

Не вижу я твоих очей — тюльпаны ран на мне
горят,
И строй твоих ресниц-мечей уж выстроен —
за рядом ряд.

Богач, ты бедным порадей богатством красоты
твоей —
Просителям, что всех бедней, пожертвуй все,
чем ты богат.

Мой дух, увы, тоской томим, и чужд он милостям
твоим, —

Зачем соперницам моим ты даришь милость
всех услад?

Святоша, всей душой стремись от пут прелестниц
упасться:

Кудрей их кольца развились и как тенета пут
висят.

Все претерпела я, крепясь, но мне удача не далась,
Зубами в камень я впилась, и был мой рот
до боли сжат.

О, знай, влюбленный, сколь жесток палящей
сладоути глоток, —

Мой стон пылает, как ожог, в душе бушует жар
и чад.

О Увайси, терпи и жди, и стойкость затаи в груди,
И знай, что будет впереди тебе награда из наград.

* * *

На твоём лице тьмой чреват двух локонов извив, —
Так змеи охраняют клад, клубком его обвив.

Нет, это не цветенье роз, а кровь людских очей,
Им раны стрелами нанес твой взор, что так
гневлив.

Где нет тебя, там на заход светило не пойдёт:
С досады солнце жжет и жжет, все небеса
спалив.

Безумной быть меня обрек твоих бровей изгиб, —
Все небо захлестнул поток, то — слез моих разлив.

Мне твоих стрел не страшен град: вонзившись
в мою плоть,
Они меня и защитят, со всех сторон прикрыв.

Участьем к Увайси согрет, пристанище мне дай:
Заблудший в этом доле бед и жалок и пуглив.

* * *

В любви к тебе все мое тело — мечте моей приют,
поверь,
Затих мой разум онемело — он от безумья худ,
поверь.

И чтобы сердце не дичало, как птица вольная, его
Зерном мечты я приручала в плену любовных пут,
поверь.

Приди, о ты, чье сердце хворо, лечиться тайнами
любви:
Немало выдумок и вздора уста мои плетут, поверь.

Во тьме разлук просвет почуя, узрела я твой
светлый лик:
К тебе, как мотылек, лечу я — увы, мой жребий
лют, поверь.

И не в твоей, о лекарь, власти мои болезни
одолеть:
Недуги неизбывной страсти все мое тело жгут,
поверь.

И птицы бедствий и печали, увидев зёрна моих
слез,
Слетятся из далекой дали — гнездо на мне совьют,
поверь.

О Увайси, что за отрада бездумно тайну
разглашать?
Познавшему суть тайны надо хранить ее сосуд.
поверь.

• • •
О Меджнуне одержимом сказ я свой слагаю ныне,
В нем есть строчки о любимом, о Лейли,
ее кручине.

О Ширин пишу, о ранах — кровью рдеющих
тюльпанах —
То Фархад в слезах багряных бьет кайлом утес
в теснине.

Нет конца в разлуке бедам, а тебе мой зов
неведом, —
О, приди за мною следом, как видение в пустыне.

Закипает в вешних тучах ливень слез моих
горючих,
Об устах томлюсь я жгучих — ярко рдеющем
рубине.

Ты меня устами манишь, только что тут делать
станешь:
То молчанием ты ранишь, то укорами гордыни.

Не позволяй, о небо, тернам исколоть меня и
сквернам, —
Пусть же в сердце моем верном их не будет и
в помине.

Ливень бедствий не престанет — всё в пучину
вод затапет,
Увайси бесследно канет малой каплею в пучине.

• • •
Как быть мне? Пологом закрыт весь свет
моих ланит,
Судьба добра мне не сулит, и счастье мое спит.

И мыслей не шумит поток, и ливень дум иссяк,
Мертвы, не зреют перлы строк, и строй стихов
забыт.

О мое солнце, без тебя и солнце и луна
Свой лик скрывают и, скорбя, тускнеют от обид.

Любой виток твоих кудрей — безбожникам зуннар,
А праведным — твоих бровей михраб всегда
открыт.

Рассвет любви, закат разлук — всё слил в себе
твой блеск, —
Так ярко сам небесный круг вовек не заблестит.

Твой каждый зов, о златоуст, стократ меня живил,
Мой дух нектаром твоих уст и в ночь разлук
омыт.

О сердце, душу не тревожь — не лей кровавых
слез, —
Меня ты стоном выдаешь, и мне — позор и стыд.

О Увайси, будь в стороне от всех забот людских:
В пучине слез твоих — на дне сокровище лежит.

* * *

Страшись: безумья горемык камня нележки,
Огнем пылают стон и крик моей любви-тоски.

И беззаботностью — о, нет! — ничто не укрепишь, —
От друга мне сто тысяч бед, и язвы мук тяжки.

Дан не любому дар щедрот истомной красоты, —
Истомно нежен друг мой — тот, чьи кудри —
как силки.

Что проку от моих причуд — уйти в пустынный
дол?
Шалаш мой — всех скорбей приют, и дни мои
горьки...

Огонь любви и меч разлук терзают мою плоть,
Тебя лишь вспомню — грудь от мук разъята
на куски.

Венец любви надела я и — в винный погребок, —
О, сколь печальна жизнь моя, сколь муки жестоки!

Незрячий люд! Водой молвы не полощи свой рот, —
В слезах я с ног до головы — нет дна у той реки!

Пусть у иных надежен кров, в пустыню к Увайси
Им — глину брать для их домов — пути недалеки!

* * *

Ему, чье сердце так черство, ловить сердца —
одна забава,
А птице сердца моего безумной быть дана забава.
Но всем хмель единенья пить из чаши вечности
придется,
И перст смущенно закусить плоха в те времена
забава.

Вот диво: людям жизнь свою ценить бы надо,
словно жемчуг,
А я, как жемчуг, слезы лью, — не правда ли:
чудна забава!

Уж он не ангел ли — мой друг, иль человек,
или кудесник?
Играть сердцами верных слуг — лишь шахам
суждена забава.

О Увайси, ты свою суть таи перед своим любимым:
Зовешься гостем — гостем будь, — ведь эта
нетрудна забава.

Увы, мой взор в мирском саду укрыт завесой —
сном хмельным, —
Безумным сердцем мига жду припасть, прильнуть
к устам твоим.

Тревожно сердце, словно ртуть, и нет покоя ни
на миг,
Душе, увы, не отдохнуть: огнем любви мой дух
томим.

И я, отчаявшись стократ, от друга милости не жду,
И дан единый миг отрад лишь этим вот стихам
моим.

Из сердца льются реки слез на дымно-огненный
мой стон, —
Не бойся, в этом нет угроз: любовь — вода, огонь
и дым.

О друг мой, день и ночь без сил, в разлуке плачет
Увайси, —
Как бы тебя поток не смыл и ты б остался
невредим!

Я — как Фархад, но мне Ширин вестей
не принесла еще,
И сердце ранящих кручин не ведала я зла еще.

И мне пришел лихой черед избранника изведать
гнет,
Но, телом пав во прах невзгод, я сердце не сожгла
еще.

Огонь разлук мне тело сжег, и взмыло прах мой,
как песок,
Но не покрыла твой порог моих костей зола еще.

Хоть я обету и верна, нить моей жизни чуть
видна, —

Не видит друг мой, что она сгорела не дотла еще.

Он сотни раз давал обет, а верности в нем нет
как нет,

Исчислить муки моих бед — такого нет числа еще.

О, рока злобная игра гнетет меня, стократ хитра, —
Увы, судьба ко мне добра вовеки не была еще.

Хоть о любви твой стих пропет, ты, Увайси,
во власти бед, —

Кому была — ты дай ответ — любовь столь
тяжела еще?

Красив ланит твоих пушок — он дорог для торгов
еще,

Ты с покупателями строг и на торгах суров еще.

В разлуке с ним день ото дня любви и верности
я жду,

Помучил много он меня и мучить вновь готов еще.

Луна и солнце уж давно завидуют твоей красе, —
Им в небе чахнуть суждено среди твоих рабов еще.

Негоже, если я вдали от друга милого умру,—
Должна ведь услышать Лейли Меджнуна смертный
зов еще.

Что ж сердце мне терзать так зло? О камнесердый,
стань добрей,—

Как роза, сердце расцвело, и сколько в нем шипов
еще!

Блуждаю я в степи невзгод — где ж ей предел,
а мне исход?

И жизнь уже к концу идет, а путь любви тернов
еще.

Томлюсь я по твоим устам, мне горло жжет
кровавый ком,

И нет свершения мечтам, и я во власти снов еще.

Для Увайси весь мир далек, а ты собой так
дорожишь!

Красив ланит твоих пушок — он дорог для торгов
еще.

* * *

Ах, почему твои уста моим устам противятся?
Ведь я не в силах неспроста моим слезам
противиться.

Меч гнева твоего жесток — грозит мне лютой
карою,
А моей жизни волосок, хоть слаб он сам,
противится.

Морям любви, увы, не люб поток дождя весеннего:
Ведь перлы гнездышкам скорлуп — им тесно там —
противятся.

Тобой отвергнут верный друг, а что я с этим
сделаю?
Вольно же, муча верных слуг, твоим очам
противиться!

Прости же, если, взревновав, была и
я строптивою:
С другими добрый, мне твой нрав, зол и упрям,
противится.

И на слова моих обид, увы, не жду я отклика:
Тебе упрямый нрав велит любым речам
противиться.

О Увайси, перед тобой дверь цветника
захлопнута, —
Зачем же розоликий мой моим мечтам
противится?

* * *

Всем, кто любовью одержим, — гореть в огне
горючем,
И каждый теми, кто любим, стократ гоним и
мучим.

От страсти плачу я навзрыд, и все во мне
пылает, —
Никто другой так не горит — огнем столь
неминучим.

О юный кравчий, хоть сейчас тебе отдам я душу, —
Где твои чанг, рубаб и саз с настроем их певучим?
И пусть влюбленный позабыт и кинут в лютой
стуже,
Он сердцем вновь и вновь горит и в холоде
трескучем.

Не упрекайте, что мой друг отверг меня навеки, —
Я зов к нему в ущелье мук вверяю горным
кручам.

О сердце, распростишься с мечтой найти участие
в мире, —
Мы этот злобный мир с тобой участью не научим.
И кто б хвалить тебя ни стал, о Увайси, —
всё мало,
Скажи хоть тысячу похвал он языком тягучим!

* * *

Уже и осень наступила, а мой прекрасный
не идет,
И увядает все уныло, а он, мой ясный, не идет.
Я здесь в печали одинокой, а он вдали, веселью
рад,
О, что же друг мой хмельноокий ко мне,
безгласной, не идет?
Разлукой сражена зловредной, я скоро с жизнью
распущусь.
Счастливым что! Никто мне, бедной, помочь
согласный, не идет.
В разлуке с милым в плен напастям я в жертву
ныне отдана,
Мой друг ко мне — лечить учаством недуг
опасный — не идет.
И дрогнет сердце, не согрето, и стынет, вял,
посев любви, —
Ко мне весна сияньем света во тьме ненастной
не идет.

Мансур всей душою постиг предвечного господя
лик, —
Не вечен любой из владык: величье его —
лишь на миг.

И пусть, Увайси, зелена, цветет в тебе поросль
любви, —
Дана тебе жизни весна — судьбу не умолишь —
на миг!

* * *
Не всем любовью одержимым закон любви познать
дано,
Не всем свидания с любимым изведать благодать
дано.

Кто видел, чтобы чадным дымом в ночи не тлела
бы свеча?
Но ведь не всем в огне палимым, как мотылек,
сгорать дано.

Меджнуна увидав в смятенье, не упрекайте в том
Лейли, —
Не всем в ворота отрешенья внести такую
кладь дано.

Иной при встрече с вожденным о сокровенном
умолчит,
А будет ли о сокровенном ему еще сказать дано?
Вовек не будь с дурными вместе, своей любви им
не дари:
Не всем ведь доброты и чести, большой любви
под стать, дано.

Отшельник, жизнь отдай смиренно тому, в ком
друга обретешь,
Не всем, поверь, самозабвенно жизнь за других
отдать дано.

О друг мой, в сердце скрыты клады, и ты их
попусту не трать:
Тебе от Увайси награды не будет ведь опять дано!

* * *

Сердце, не страдай от боли — друг мой ладный
будет скоро,—
Сострадатель моей доли безотрадной будет скоро.

От разлук с тобой я в горе, истомившем мое тело,—
Мой Лукман — целитель хвори беспощадной будет
скоро.

Сердце от тоски великой, словно соловей,
рыдает,—
Не стнай: мой розоликий, ненаглядный будет
скоро...

Словно хумаюн, в паренье сокол мой расправил
крылья,—
Голова моя под сенью, столь отрадной, будет
скоро.

Небо мне не шлет удачи — дешевы мои товары,
Только бог судил иначе — торг изрядный будет
скоро.

Увайси, тоской безмерной ты ни с кем не смей
делиться,
Твоих тайн хранитель верный — друг усладный
будет скоро.

* * *

В ком свет любви запечатленным стал,
Тот сенью бога осененным стал.

Сумей смекнуть, а я скажу, в чем суть:
На путь любви он вдохновленным стал.

Будь — словно меч, чтоб чуждое отсечь:
Муж чести — тот, кто отрешенным стал.

С пчелиных сот собирай сладчайший мед,
Чтоб сахар твоих уст явленным стал.

Покая нет тому, кто внял завет, —
Кто, как и я, бродить смятенным стал.

Где взять узду, чтоб усмирить беду?
А бог велит — ты усмирленным стал.

О Увайси, полюбишь — все снеси:
Все тяжелее путь влюбленным стал.

* * *

Мне от твоих кудрей вдали, поверь, красы цветов
не надо:
Как бы они ни расцвели, мне запах их —
не слаще яда.

И что мне праздный разговор о ланях с томными
глазами!
Твои ресницы, твой укор мне лучше томного их
взгляда.

В твой сад, что пышно так возрос, ты не зови меня,
садовник:
В тоске от вида вешних роз я и разлуке с милым
рада!

И что мне рая благодать и роскошь нег его
нездешних!
Мне твое имя повторять, упав во прах,—
и то награда.

А Увайси — во власти бед: печаль любви ее
погубит,—
Мне врозь с тобою — всё во вред, с тобою и
враги — отрада.

* * *

Моей любви, о милый друг, в том имени дано
таиться,
Которого неведом звук: поверь, во мне оно таится.
Хмель, поданный тебе рабой, зачем же гордо
так отверг ты?
Вино, налитое тобой, в моей душе давно таится.
От власти чар того лица я млею,— не сердись,
о старец:
В нем отражению творца от века суждено таиться,
Не стой, о кравчий, в стороне — дай чашу хмеля
сокрушенным:
Дыхание Исы — в вине и в тех, кто пьет вино,
таится.

Пусть упования жаркий свет сожжет в тебе все
суесловье, —
Знай, сердце: в рушащих обет безверие одно
таится.

На крыльях алчности лететь не тщись к желанному
посеву:
Там, где ловец раскинул сеть, бессчетных бед
зерно таится.

Во тьме разлуки ты упрочь, о Увайси, в душе
надежду:
Как ни кромешна будет ночь, в ней утро все равно
таится!

* * *

Ты на пиру, мучитель мой, так весел и красив,
Что ревность овладела мной, всё тайное открыв.

От мук любви рыдаю я, влачась в степи разлук, —
Казнит влюбленных судия — жесток их слез
разлив.

Не мука ль сердцу моему — изгиб твоих бровей:
Легко ли биться одному, две тайны полюбив?

Зачем рыдать моим очам, не видя тех очей —
Ужель молиться двум бровям наказ несправедлив?

И то — ни благо, ни напасть, ни истина, ни ложь,
А просто и мольба и страсть слились в один порыв.

Зазорно ль сладость моих слов святоше перенять, —
Он всё и день и ночь готов гнусавить, заучив.

Пусть Увайси удел не дан твоей рабыней быть, —
Сгожусь я для игры в човган — удел мой горделив.

О друг мой! Сколько в сердце ран от дивной
красоты твоей, —
Румянцем роз твой лик румян, а сердце —
бедный соловей.

О, сколько горемык со мной томится по твоей
красе, —
Залей же светом пир ночной и светочем красы
согрей.

Зачем корит меня хула, что будто друг меня
забыл? —
Из моря чар его чела — вся влага моих
слез-дождей.

О сердце, если праздный люд отвергнет стих мой, —
не беда:
В нем жертвы бед и мук найдут отраду для души
своей.

Кумир мой! Жарок в сердце пыл — я жажду жизнь
тебе отдать:
Чем больше гость и люб и мил, тем дар хозяина
щедрей...

Нет, Увайси удел не дан с любимым другом
вместе быть, —
Душе, страдающей от ран, нет избавленья
от скорбей.

Гонец благую весть принес, — так, видно, было
надо, право:
Жег меня жар кровавых слез, неволил плен
разлада, право.

И написала я ответ меня отвергнувшему другу:
«Яви мне доброй вести свет, я жду — где же
пощада, право!»

О том, где мой жестокий друг, мне благозоне
возвестило:
Дыхание любви вокруг и пряный мускус сада,
право.

Ты для меня бы не жалел, как ни слаба я,
стрел язвящих:
Боль от уже вонзенных стрел — для новых
не преграда, право.

Предвечный кравчий, дай питья, — уже душа
исходит горлом, —
О, сколько гибнет, как и я, от мук хмельного яда,
право.

На сердце раны жестоки от слов твоих
несправедливых, —
Так в поле рдеют лепестки тюльпанного наряда,
право.

Зря, Увайси, сравнила ты стан друга с кипарисом
стройным:
Ведь для подобной красоты твои слова — досада,
право!

* * *

Когда с тобой бывала я, я счастлива была тогда:
Вдруг озарялась тьма моя от твоего чела тогда.
Прошу, о друг мой, не порочь меня за горькие
слова:
Танться было мне невмочь, и грудь мнe ревность
жгла тогда.

Зачем ты звал меня, мой друг, надежды жар в душе
зажечь?

В огне любви, во тьме разлук сгорела я дотла
тогда.

Когда весь мир затянет дым, не сгинет море моих
бед,—

Рок, дав все доброе другим, судил мне долю зла
тогда.

И диво ли, что ты в тот час меня за муки
пожалел?

Река кровавых слез из глаз на лик мой истекла
тогда.

Не сетуй, сердце, что мой друг тебя, как птицу,
прочь прогнал:

Ему ведь песня твоих мук была так тяжела тогда!

Что ж, Увайси, твой дух поник в смертельной
жажде, — стойкой будь:

Тебе б живящих уст родник — ожить бы ты смогла
тогда.

* * *

Кто сроднил меня с напастью?— Он, мой
сребростанный, нежный,

Он велел пылать мне страстью — краше роз
румяный, нежный.

Как вошла мне в сердце смута, все мирское
я забыла,

Он лишил меня приюта — на беду мне данный,
нежный.

Я сто кряжей мук изрою терпеливыми ногтями,—
Что Фархад передо мною! Он какой-то страшный,

нежный!

Нежен станом ты и взором, нежен речью и устами,
Нежен сладким разговором, весь ты —
несказанный, нежный.

Дивна прелесть уст цветущих, вешний цвет —
в твоих ланитах,
Ты — цветник в расцветших кущах, сад
благоуханный, нежный.

Серебристою росой весь твой облик ярко светит,
Ямки щек блестят красой, светом осиянной,
— нежной.

Видя глаз твоих истому, две души в тебе я вижу,
Всё в тебе — одно к другому в красоте
нежданной, нежной.

Не стремись же к красноречью, Увайси, смиришь,
умолкни, —
Не неволь ты нежной речью слог свой
неустанный, нежный!

• • •

В мирском саду красой — о, нег — с тобой никто
не схож другой,
Таящей столько смут и бед красы ведь не найдешь
другой.

Что в моем сердце с давних пор таятся? Ты и
только ты, —
Твой стройный стан, твой томный взор, скажи,
имеет кто ж другой?

Истрать во гневе весь колчан — пожертвуй твои
стрелы мне, —
Кроме меня, больной от ран, для них никто не гожд
другой.

С тех пор, как ты мне люб и мил, лишилась воли я
и сил:
Тебе я отдала весь пыл, а где ж ты пыл возьмешь
другой!

С надеждою от твоих губ я зова жду, а ты
молчишь, —
Никто, как ты, душе не люб, никто так не хорош
другой.

Пока на свете Хызр живет, верна навеки Увайси,
И взор ее не привлечет никто, как ни пригож,
другой!

* * *

Когда б не спадали волной твои непокорные кудри,
Не вились бы так предо мной твои, столь
задорные, кудри.

Когда бы в томлении нег я гребнем их
не расчесала,
Меня не сдружили б вовек с судьбою позорною
кудри.

Когда бы не знать мне утрат в торгах на базаре
безумья,
Меня не гнели бы стократ твои столь притворные
кудри.

И ночь мне сияла б светло твоей озаренной
красою,
Когда бы не скрыли чело от глаз моих вздорные
кудри.
И полог кудрей твоих спас меня бы от горьких
упреков,
Когда бы не выдали враз всю тайну проворные
кудри.
Красой птицу сердца маня, когда бы меня
не словил ты,
Вовек не обвили б меня кольцом твоим черные
кудри.
И если бы в кудри, как в сеть, ты душу мою
не завлек бы,
Зачем Увайси бы терпеть твои животворные кудри?

* * *

Моей, жестокою твой друг, ты гибели кровавой
хочешь —
Губить всечасным гнетом мук, кровавою
расправой хочешь.
Не убивай меня, молю, дай хмеля жаждущей
рабыне,
Уж если душу ты мою считать своей забавой
хочешь.
Меня, о лекарь, не неволь расспросом о недугах
плоти, —
Моей души ты вызнать боль повадкою лукавой
хочешь.

Святоша, ты мне — не родня, идти к кутилам
и не думай, —
Ты, верно, пристыдить меня моею горькой славой
хочешь...

На всех, кто схож со мною, глянь — не им
красивыми считаются, —
Зачем же и с меня ты дань взымать — побор
неправый хочешь?

О Увайси, пошли привет своим друзьям — зови
к себе их, —
Ты, верно, своих мук и бед их напоить отравой
хочешь!

* * *

Пологом твоих кудрей мир затмило, словно
чадом —
Льнут они к красе твоей, словно змеи к ценным
кладам.

Строен, розолик, румян, ты подобен кипарису,
Кудри падают на стан, словно ветви, ровным
рядом.

Разум, сердце, ум и взор — всё кудрями ты
чаруешь,
Вводят всё они в разор, словно колдовским
обрядом.

Муки страсти, муки смут — от твоих кудрей
влюбленным, —
Не они ли — Страшный суд, грозно всех
страшащий адом?

Как смогла я, не пойму, чарам той красы
поддаться?

Кудри сердцу и уму и душе грозят разладом.

В твоём стане — дивный лад, и ничто с ним
не сравнится,

Лишь на кудри все глядят столь же восхищенным
взглядом.

Увайси, мой друг, невмочь от красы благоуханной:
Мучат ее день и ночь кудри своим пряным ядом.

* * *

Любимый, краше древа рая твой несравненно
стройный стан,

Ты превзойдешь и попугая: твой сладкозвучный
слог медвян.

И если я, страдая люто, крик не сдержу, —
не укоряй:

В душе моей — печаль и смута, а голову объял
дурман.

И упрекать меня негоже, что я в саду не расцвела:
С тобою сердце мое схоже — оно алеет кровью
ран.

И я в смятении безумном, и сердце ревностью
горит, —

Увы, тобой, всегда разумным, мне неразумный
жребий дан.

Твоих щедрот благое море — для тех, кто весел и
счастлив,

А всех страдающих от горя гнетет беспечный твой
обман.

Погребены в злосчастном месте мечты и помыслы
мои,
А о твоём величье вести идут из благодатных
стран.

И Увайси не перестанет к тебе стремиться
мотыльком:
Измученное сердце манит твой лик, что, как огонь,
багрян.

* * *

О друг мой, твоих уст краса красна,
Но пуст фиал мой, выпитый до дна.

Огнем разлуки ты мне тело сжег,
Пылает грудь, огнем опалена.

Я жду тебя — уж очи истекли, —
Поверь, я ни на миг не знала сна.

За что такие муки я терплю, —
Страданьями душа полным-полна.

Ответь же мне: ужель таков мой рок?
Твоя ли в этом иль моя вина?

О, если бы узреть любимый лик!
Доколе будут тяжки времена?

О, помогите мне — я потону, —
Бурлива слез кровавая волна.

* * *

Покуда не претерпишь мук, к тебе любимый
не придет,
И тщетен твоих стонов звук, пока не сгубит тебя
гнет.

О сердце, терпеливым будь, сноси лихую ночь
разлук, —
Пока во тьму не лег твой путь, не сыщешь ключ
живящих вод.

О, почему же не сберечь зарю надежд
в крошечной тьме?
Всю благодать желанных встреч разлука хитростью
убьет.

Твоих бровей изогнут лук — он сонмы любящих
разит, —
Ресницы-стрелы в тесный круг собрались,
устремясь в полет.

Решил ты мною пренебречь — не хочешь прах мой
заступить, —
О, дай мне лишь безгласно лечь во прахе у твоих
ворот!

О Увайси, ты своих строк чужим вовеки не
вверяй, —
Горячих слез твоих поток слова потопом
захлестнет.

Спусти же локоны свои завесой-пеленой, прошу,
Красу за пологом тай -- скрой лик, любимый мной,
прошу.

Зачем же ты отверг меня, тоскующую по тебе, —
О, улыбнись же, не кляня, не укоряй виной,
прошу.

Всех, кого нужды извели, и всех, кто голоден и
наг, —
Раздетых, бедных надели Хатамовой казной,
прошу.

О кравчий, бедняков насыть — вина ни капли
не жалея, —
Дай им беду свою забыть в веселости хмельной,
прошу.

О тело, душу пожалей, все ее муки претерпи,
Не дай тебя покинуть ей, от ревности больной,
прошу.

И день и ночь упрек ко мне ханжа бездушный
обращал, —
Как саламандру, жги в огне ханжу, создатель мой,
прошу.

Забывшей для тебя весь свет не быть с тобою
Увайси, —
Помилуй ее — жертву бед, не дорожи ценой, —
прошу.

* * *

Не сомкнуты ль твои уста медвяно-пряной
сластью, —
Не от того ль — их немота, молчанье,
безучастье?

Мне твои стрелы суждены — все мое тело в ранах,
Мечи и пики вонзены в меня твоею властью.

Хоть наяву не мнится мне узреть любимый образ,
Я лик твой вижу и во сне, — что делать мне
с напастью?

И, даже страстью опален, ты на других
не зарься,
Не то тебя сожжет мой стон — и быть тогда
несчастьем.

На дне в жемчужницах литых в морях хранится
жемчуг, —
Таю я жемчуг уст твоих в душе, объята
страстью.

О сердце, и хуле внимли, не ведая обиды, —
Чтобы плоды любви взросли, быть должно и
ненастьем.

Беспечной, Увайси, не будь — жди и во тьме
удачи:
Очей сумеешь не сомкнуть — быть на рассвете
счастьем.

* * *

В плену разлуки я томящей, — дай мне желанное
изведать,
Сжег меня пламень твой палящий, — дай мне
желанное изведать.

Увы, чужие губят скверной дар твоей дружбы,
прежде верной, —
О томный друг, — тебя молящей дай мне желанное
изведать.

Еще и крыл я не раскрыла, а уж влачусь, увы,
бескрыло, —
О сокол, в небесах парящий, дай мне желанное
изведать.

Мои страданья — мне отравя, а ты меня томишь
лукаво. —
Твои ж уста — и меда слаще, — дай мне желанное
изведать.

Я — у любви к тебе во власти, меня ты топишь
в море страсти, —
В душе тебя, как перл, таящей, дай мне желанное
изведать.

Безумием сраженный разом, увы, меня покинул
разум, —
Безумие уму дарящий! Дай мне желанное
изведать.

В низинах Увайси влачится — ей день и ночь дано
томиться, —
О светоч, с неба мне светящий, дай мне желанное
изведать.

* * *

На стонущих во тьме влюбленных хоть на единый
миг взгляни, —
На мотыльков, тоской спаленных, летящих на твой
лик, взгляни.

Томясь по розе беззаветно, страдай во мраке,
соловей.
А лишь забрезжит луч рассветный — на рдеющий
цветник взгляни.

Стои соловья услышав тяжкий, его, о роза,
не щади,
Вонзи колючки в грудь бедняжке — на жала
острых пик взгляни...

О Увайси, тщеты страшись и суеты, —
Ты птицам клеветы — взамен зерна, душа!

* * *

Очарованно так любя, я о друге моем тоскую,
Я о том, кто, меня губя, станет мне палачом,
тоскую.

Был набег моих бед жесток, вся разбита обитель
сердца,
И о том, кто б помочь мне мог, я и ночью и днем
тоскую.

Буквой «даль» мой изогнут стан, и любви
непосильна ноша,
А мой друг краше роз румян, — я печально о нем
тоскую.

Мне бы всюду нестись гонцом, кликнуть клич бы
по всем базарам,
Как прекрасен мой друг лицом, как красив, —
вот о чем тоскую.

Я живу, боль в душе тая, как Лейли и Ширин,
страдая, —
О Меджнуне, Фархаде я в помраченье своем
тоскую.

Я в разлуке мою беду кровью горестных слез
оплачу,
Где ж я равных себе найду — я, палима огнем,
тоскую.

Я теперь всего лишена — ум покинул меня.
О кравчий,
Напой меня допьяна — я в безумье шальном тоскую.

В отрешенье небытия не печалься в глуши,
отшельник,
Не тверди мне — мол, к людям я зовом сердца
влеком, тоскою.

Увайси, ты томишь себя, ожидая хмельной
улады, —
Очарованно так любя, я о друге моем тоскую!

* * *

Я тебя ждала — от плача истекали мои очи,
И томилась, горько плача, от печали мои очи.
В душу молния вонзилась от твоих жестоких
взоров, —
На твою любовь и милость уповали мои очи.

Взор твой — что хмельное зелье, он сжигает ум и
разум, —
Избегут невзгод похмелья уж едва ли мои очи.

Не упустит дождь мгновений, если все цветет
весною, —
От твоей красоты весенней тучой стали мои очи.

Сколько взоров — есть ли вести? — тебе вечность
подарила?

Нет, не здесь, а с ними вместе в горней дали —
мои очи.

По тебе таят истому сонмы восхищенных взоров,
По тебе — не по другому тосковали мои очи.

Я в училище терпенья сердце долго обучала,
Но, увы, и в униженьи и в опале мои очи.

Пусть вовек красу такую не увидит взор
Меджнуна. —

Словно по Лейли тоскуя, изнывали мои очи.

О Меджнун мой, благодарна Увайси тебе
за милость, —

Привечали лучезарно не тебя ли мои очи?

* * *

О радостях жизни людской ты радостных,
властных спроси,

У злых — об убитых тоской их жертвах
безгласных спроси.

О том, как в мученьях невзгод надежду любви
обрести, —

Фархада, что рубит проход в ущельях опасных,
спроси.

О тех, кто, отвержен и наг, до пепла от страсти
горит, —

Меджнуну подобных бедняг — скитальцев
несчастных спроси.

О жертвах, убитых мечом, о кровью облитых
сердцах

Ты тех, кому все нипочем в делах их ужасных,
спроси.

У тех, кто бредет без дорог, влачится во прахе,
в пыли, —

О том, как их путь одинок в их муках злосчастных,
спроси.

О том, как опасен и яр разлуки губительный яд,
Ты пьющих свиданья нектар — к удаче причастных
спроси.

И с толком молись и с умом и не говори, Увайси,
Что ты, мол, аскетов о том — ханжей безучастных
спроси.

* * *

И в этот мир пришла — мне погубитель встретился,
Стократ ему хвала — мне дум властитель
встретился.

За что же столько мук всем в доле бед
влачащимся?

Мне мой жестокий друг и мой учитель встретился.

Дай мне вина хлебнуть, о кравчий, в винном
погребе, —

Хвала творцу, что путь мне в ту обитель
встретился.

Был зов мой — как немой, все речи были скованы,
Но сладкогласный мой мне вдруг спаситель
встретился.

Томясь в терзанье злом, всем сердцем
я печалилась,

Но, радостный челом, мне искуситель встретился.

Сокрушено от мук, больное сердце рухнуло,
Но мне неожиданно вдруг сердце целитель
встретился.

Того, кто розолик, звала я стоном горестным, —
Как соловью цветник, мне избавитель встретился.

Твой, Увайси, призыв — как стоны соловьиные, —
Как кипарис, красив, мне обольститель встретился.

Любимый знает, как верна я,— знаю,
Как я томлюсь, от мук стеная,— знаю.

Жестокий знает: в радости, в беде ли —
С ним весела и с ним грустна я,— знаю.

Он знает, что в него влюбленных много,
А войском правлю лишь одна я,— знаю.

Дружить со мною праведникам трудно,—
В безумии моем грешна я,— знаю.

Тюльпан багряный знает, что от муки
Вся кровью слез обагрена я,— знаю...

Ждет Увайси — в шалаш блеснет ли светоч:
В лучах и пыль озарена,— я знаю.

Свиданья с другом ждать, молить о нем —

Убьет меня, а умолчать — умру.

Воздвигну мукам страсти кров и дом —

Убьет меня, а сирю ждать — умру.

Когда мой друг других введет в чертог,

Не мучай меня ревностью, о рок,

Рыдая, выть у его двери псом —

Убьет меня, а не рыдать — умру.

Терпеть немилость мне, увы, невмочь,

По другу я тоскую день и ночь.

Бродить вокруг, искать окрест, кругом —

Убьет меня, а не искать — умру.

В разлуке мне — тоскою известись,
А милый друг грозитя: «Берегись!»
Потщусь узреть, как он красив челом —
Убьет меня, не увидать — умру.

Твой друг тебя стыдится, Увайси,
Хоть ты и гибнешь, всё перенеси, —
Вот так страдать и таять день за днем —
Убьет меня, а не страдать — умру.

* * *

Я того, кто ладен станом, строен и высок, люблю,
По устам томлюсь румяным, их слова и слог
люблю.

Небеса пронзая криком, кровью слез я изойду, —
Я того, кто дивен ликом, как в саду цветков,
люблю.

Лекарь, моему увечью сладким зельем не помочь, —
Я того, кто сладкой речью муку мне предрек,
люблю.

Я рыдаю, лью я слезы и стенаю соловьем, —
Я того, кто краше розы красотою щек, люблю.

Я того, кто губ пыланьем навсегда мой взор
сразил,
Кто жемчужных уст сверканьем в сеть меня
завлек, люблю.

Я того, чьим грозным чарам все сердца губить
дано,
Кто меня кудрей зуннаром залучил в силок,
люблю.

Я ищу, скитаясь вечно, избавления от мук,
Но того, кто бессердечно так ко мне жесток,
люблю...

У любви моей в неволе я, как смерч в степи,
кружусь, —
Я того, кто в диком доле жить меня обрек, люблю.
Что же тешиться обманом — толку ждать
от Увайси, —
Я того, кто ладен станом, строен и высок, люблю.

* * *

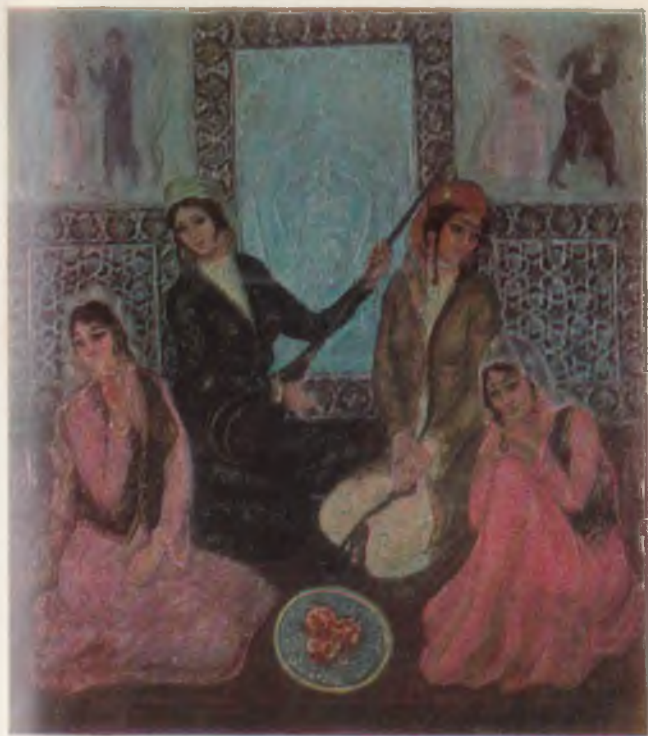
С жемчугом его медвяных слов только перл
блестящий я сравню,
Лишь с павлиньей плавностью шагов шаг его
томящий я сравню.

Солнце, устыдившись, в тот же миг скроется
в закатной глубине, —
С солнечным восходом его лик и с зарей горящей
я сравню.

Нет благоухания нежней, чем у пряных локонов
его, —
Благовонье мускусных кудрей с амброй настоящей
я сравню.

И ничья краса так не красна, и ничья краса так
не хмельна, —
С отблеском багряного вина лик его пьянящий
я сравню.

У речей его столь сладок вкус, что дано им души
оживлять, —
С родником его живящих уст ручеек журчащий
я сравню.

عشقم شامی آرا قولومی تو تو نمک
بجراں تو نیا کوروم یار تو نمک

در جنگنی ایامی نه نوع ظاہر
ای که از بسکنا اکانهقا اولان
سکر و کمنی نه تیل بدوی آخر
همک تاری و و هند اولون

А истома глаз его — беда, в них лукавый
затаился хмель, —
Со вселенской смутой в день Суда взор его
манящий я сравню.

Все деревья рая посрамит прямою его стройный
стан, —
Райский сад — с поникшей от обид порослью
пропащей я сравню.

Утром, Увайси, в твоём ладу соловьиный слышится
напев, —
Милый лик — с расцветшею в саду розою палящей
я сравню.

* * *

Я в пустыне безумных мук все сильней и сильней
кружусь,
Вихрь и пламя везде вокруг — я в круженье огней
кружусь.

Жарким стоном моим спален, обгорает весь
небосклон,
Я, рыдая сквозь жгучий стон, вот уже много дней
кружусь.

Как безумных дервишей ряд, совершающих
пляс-обряд,
Я верчусь — их движеньям в лад, я быстрей
их теней кружусь.

А узрю хмельных от вина той любви, что творцу
верна, —
Я, такой же страстью хмельна, все буйней и
буйней кружусь.

Я, стеная, кричу навзрыд, стон безумный мой
— — думает к небу взвизг,
Страсть кружится во мне, бурлит — ну и я вслед
— — думает за ней кружусь.

Роком, мне суждена напасть — перед другом
— — думает во прахе пасть, —
Как и те, кому внятна страсть, я, не чуя ступней,
— — думает кружусь.

Увайси, ты сей мир и свет не минуешь без мук
— — думает и бед, —
Я, познав долю трудных лет, все трудней и
— — думает трудней кружусь.

* * *

Я муки страсти в тот же миг, как родилась на свет,
— — думает узнала, —
Красавца я — аллах велик! — какому равных нет,
— — думает узнала.

Обитель сердца — мой покой сияньем страсти
— — думает озарило,
И я в темнице сей мирской неизъяснимый свет
— — думает узнала.

И зажурчал любви ручей под животворной сенью
— — думает Хызра:
Я — как бывает взор очей потоком слез согрет —
— — думает узнала.

Сколь тяжко люди сих времен меня за дружбу
— — думает покарали, —
За доброту я лишь урон от них и зло в ответ
— — думает узнала!

Я — не с тобой, в плену разлук, но стон летит
к тебе, мой друг, —
Стенаю горько я от мук, — и кто бы стон мой смог
снести!

Ищу тебя весь день-деньской, терзаясь от тебя
вдали, —
Я зареклась познать покой, — легко ли мне зарок
снести?

И ты к страданью моему, о виночерпий, снизойди, —
Как муки смертные тому, кого пыл жажды сжег,
снести?

Томится сердце, боль тая, в густом клубке твоих
кудрей, —
К тебе сумела тайно я моей любви клубок снести.

О, будь же к Увайси не строг — прости ее вину,
мой друг, —
Простил бы ты меня — помог мой безысходный
рок снести.

* * *

О боже мой, какой лукавый, какой неверный
мной любим, —
Томящий мукою — неправой, невероятной —
мной любим.

Чем больше гнет его отравный, тем больше я его
люблю, —
Какой жестокий и злонравный и лицемерный мной
любим!

Томлюсь в страданье я жестоком, а счастья и
покою нет, —
Он, схожий с бедственным потоком, любовью
верной мной любим.

Увы, любовью негасимой его люблю я, как
Лейли, —
Меджнун, безумьем одержимый, в тоске безмерной
мной любим.

Я мучусь страстью безнадежной, тоскуя по его
кудрям, —
Какой бессовестно безбожный, неправовверный мной
любим!

И со смирением покорным ему сто жизней
отдала б, —
Он, в сладкоречье животворном столь
беспримерный, мной любим.

* * *

Где же мой любимый, друзья? Я о нем,
как о сыне, грущу.
О всесветном владыке я всей тоскою рабыни
грущу.

Как скиталец в пустыне мук, неприкаянно
я брожу, —
Чем бы мне исцелить недуг? — я в безмерной
кручине грущу.

Лишь один он в сердце моем, лишь о нем
мое слово и речь, —
О единственном, дорогом — о моем властелине
грущу.

День и ночь страсть в душе тая, жду его я,
вдаль очи вперив, —
Об участливом госте я, истомленная, ныне грущу.
Хоть и не для моих скорбей бог хранит его, —
пусть придет, —
Я о нем — о боли моей, о заветной святыне грущу.
Темен мир мне во мраке бед, в беспроглядных
потемках разлук,
Я о нем — он мой лунный свет — о моем
господине грущу.
Увайси, я в тоске немой, в безысходном рыданье
томлюсь, —
Не со мной ясный светоч мой, — я по этой причине
грущу.

* * *

Мне подобных в целом мире нет, кто, как я,
любовью мучим был,
Кто бы день за днем рыдал от бед, чей бы стон
таким же жгучим был.
Праздный люд, Меджнуна не хули за безумье и
за наготу, —
Он, томясь и плача о Лейли, сломлен горем
неминучим был...
Моей жизни подошел предел — я в скитаньях
страсти извелась,
Почему мой горестный удел вечно горьким и
горючим был?

Никого на помощь не зови, если страстью ты
испепелен, —
Не найдешь таких, чей путь в любви беспечальным
и везучим был.

Будь покорным, сердце, — в стороне от обета
верности не стой, —
Вспомни о проклятом сатане: до паденья
он могучим был.

Встретишься с любимым — принеси весть ему,
о добрый мой гонец:
Путь разлуки бедной Увайси и тернистым и
колючим был.

* * *

В разлуке я, как соловей, своим же пеньем
ранена,
Шипами розы я своей — жал ее жженьем ранена.

В разлуке я влачу свой век, стенаю я и жалуясь,
А в миг свиданья вместо нег я небреженьем
ранена.

В томленьи страсти все сильней своей я мучусь
тайною,
А лишь скажу тебе о ней — и униженьем ранена.

Мой друг любимый зол и лих, нелегкий жребий
выпал мне:
Я безнадежных просьб моих неуваженьем ранена.

Едва я хоть единый звук о страсти моей выскажу, —
Я гнетом неизбывных мук и отверженьем ранена.

В сердце моем, в глубине души страсть к тебе
гнездо свое свила, —
Птицу своевольно не страши, а не то она
вспорхнет, смотри.

Пощади беднягу соловья, о мой стон, —
не жги цветник огнем, —
Как бы не зачах он без жилья, помраченный
сумасброд, смотри.

Увайси, твой этот стих высок — он о благе
ближнего радел, —
Пусть же ни одна из этих строк людям зла
не принесет, смотри.

* * *

Мой возлюбленный строен, он — и ладный и
статный.
Только стал мне бедой он — стал бедой
непонятной.

Розолик, темноок он, чернокудрый, курчавый,
С головы и до ног он весь — красивый, приятный.

Благодарность несущей речью слово скажу я:
Дал тебе всемогущий дар красоты благодатной.

Горний свет величавый отражен в твоём лице, —
Бог почтил тебя славой с добротой неоплатной.

Сожжено мое тело пылом огненной страсти,
Но счастливым нет дела до печали невятной.

Все дано тебе в милость — красота, обаянье,
Всё в твоей воплотилось красоте безутратной.

Увайси! Что за диво, если ты умолкаешь,
Как придется красиво мой возлюбленный статный.

В этом мире жестоком все сильнее я страдаю.
Сражена злобным роком, много дней я страдаю.

В этих горестных кущах, болью сердце мне
жгущих,
От шипов их презлющих все больней я страдаю.

То, что людям — услада, мне — отравнее яда, —
Как далекий от сада соловей, я страдаю.

Вот весна всюду снова, но моя жизнь тернова,
Дай мне, кравчий, хмельного — пожалей:
я страдаю.

О муж дум просвещенных, не пытай отрешенных
О стезе умудренных, — что мне в ней! Я страдаю.

Нет, дано мне иное: искры бед надо мною, —
За сплошной пеленою тех огней я страдаю.

«Сколь разлука сурова: нет ни звука, ни зова», —
Столь правдивого слова нет верней, — я страдаю.

Увайси, врозь с любимым ты — в огне негасимом:
Ранам, страстью палимым, — всё трудней, —
я страдаю.

* * *

Едва я вспомню образ твой — мой ум тоской томим,
увы,
И тяжко ждать тебя с тоской от слез очам моим,
увы.

Не звезды на небе горят — то искры стога моего:
Огнем разлуки пышет чад, кругом — огонь и дым,
увы.

И пусть же ревности топор крушит мне голову
с размаха, —
Что ж, посреди хребтов и гор пусть одинок Фархад
не будет.

Затерянным в степях любви грозит погнбельная
смута, —
Ступай к ним, милость им яви — пусть их гнести
разлад не будет.

Нет, мне с тобой не ведать нег, в торгах любви
не знать прибýtка,
И пусть в торгах с тобой вовек никто удаче рад
не будет.

О, сколько выстрадано мной в глухой тоске
по сердцу друга, —
Пускай, как я, никто иной нести таких утрат
не будет.

Хоть в строчках Увайси всегда слова скупы,
а мысли ценны,
Пусть мой любимый никогда читать их наугад
не будет!

* * *

На том пути, где ходишь ты, во прах не пасть
я не смогу,
Я не попруть своей мечты — своего счастья
не смогу...

Мне предназначено терпеть неволю пут и плен
оков, —
Мне твои кудри — словно сеть: в плен не попасть
я не смогу.

Ниспослан дар кудрям твоим благоуханье
источать, —
Унять, не покоряясь им, любовь и страсть
я не смогу.

Тяжелый стон мне горло сжал — над розой стонет
соловей,
И я — лишь жертва острых жал, — сломить
напасть я не смогу.

Пусть надо мной топор подъят — мне не забыть
медвяных уст,
И, как к устам Ширин Фархад, к ним не припасть
я не смогу.

Ничьей, поверь мне, красоты не видит мой
смирренный взор,
Лишь о тебе мои мечты — забыть их власть
я не смогу.

Страданьем сердце сожжено — о, кто бы мне вина
налил, —
Я от вкушающих вино не ждать участия не смогу.

Надешь ты жертвою немой в степях любви,
о Увайси, —
Я в кровь окрашу саван мой — стерпеть
несчастья не смогу.

* * *

Взвила дым стонов надо мной разлука,
Вздыхает слезы, как волной, разлука.

Войска измен ворвались в край свиданий, —
Опустошила все войной разлука.

Едва припомню я твоё сиянье —
Сбирает дань с души больной разлука.

Заворно ль мне с надеждами расстаться?
Нет в сердце сил — всему виной разлука.

О, сколько скорбных мучишь ты красую, —
Томит их думой потайной разлука.

Твои слова в душе моей печальной
Взвывает, словно вихрь степной, разлука.

О Увайси, от мук ты сна лишилась, —
Вернула б тебе сон ночной разлука!

* * *

В дом души моей пожалуй, о прекрасный мой
кумир.

Сжался, не томи опалой, о прекрасный мой кумир.

Преданное тебе сердце своенравием не мучь,
Покажи мне лик свой алый, о прекрасный мой
кумир.

Бедным сердцем уповаю я на божью благодать, —
Сжался над душой усталой, о прекрасный мой
кумир.

Сердцу, сломленному горем, вся надежда —
на творца,
Стань мне вестью небывалой, о прекрасный мой
кумир.

Ты, как светлый небожитель, ясным соколом слети
К птице сердца одичалой, о прекрасный мой кумир.

Лечь бы мне влачась во прахе, на заветный
твой порог, —
Сердцу дай покой, хоть малый, о прекрасный
мой кумир.

Я оплошна в этой речи, но порадуй Увайси
Милостью, хоть запоздалой, о прекрасный
мой кумир!

О, как тобою я пристыжена —
Во всем-то я порочна и грешна.

Порочна, мол, и нравом и лицом,
Да не порочна, а совсем дурна!

О, смилуйся, прости мои грехи, —
Я невиновна — жизнь моя трудна.

Присловье есть — в любви, мол, всё беда,
И в нем моя печаль отражена.

Как мне о тайнах сердца рассказать,
Когда тобой я так посрамлена!

Среди дурных я, верно, хуже всех,
Среди худых такая — я одна.

Ханжа твердит — мол, ты не смей любить,
А я и так любви ведь лишена!

А кравчий мне вина не подает:
И так красива, мол, — не пей вина.

Но не теряй надежды, Увайси:
Беда подмогой ближнего красна!

Иной счастливым узам рад, а я побыть с тобой
мечтаю,—

Хотя бы раз поймать твой взгляд и зов услышать
твой мечтаю.

О, был бы милостив твой зов: мне стала б лучше
чаши Джама

И чашка твоих верных псов — я пасть у чашки
той мечтаю.

Не будь же к зову сердца глух — внимли моей
заветной тайне:

Ведь я о том, чтобы твой слух услышал голос мой,
мечтаю.

Твой светлый взор блеснул огнем — и осветил
все мое сердце.

И диво ли, что я о нем с надеждой и тоской
мечтаю.

Во тьме разлук, в тиши ночей лишь образ твой
один со мною:

О светоче красы твоей я и во тьме ночной мечтаю.

Приблизь же, милостивым будь иль отрешь меня
от жизни:

Меч, насмерть мне разящий грудь, узреть я над
собой мечтаю.

Что хуже — бедствия любви или крошечный мрак
разлуки?

Огонь, сквозь дым мне свет яви — пыл видеть
огневой мечтаю.

И пусть фиал твой будет пуст — на что он мне,
о виночерпий,—

* * *

Понять ты хочешь суть любви по тайнам всех
твоих невзгод,
Но сердце чаянья свои в одних стихах лишь
обретет.

О тело, душу не гнети: в твоей державе править —
ей,
И смелый должен все снести и ведать всё
наперечет.

У слов бывает ложный путь: кто предан, тех и
предают, —
Спроси их истинную суть у сердца, ведавшего гнет.

Невестой, полною тревог, томится боль в моей
душе,
И мой жемчужно-сладкий слог, увы, тенета
ей плетет.

Мне, бедной, верность кто вернет? Забыта всеми я
людьми,
И я, увы, в плену тенет, и этот гнет мне спину
гнет.

Семь бейтов скажешь — и пресечь мне слово
суждено, мой друг,
И мне надежда — твоя речь, — приму я дар твоих
щедрот.

И сердце Увайси, мертво, томится по устам Исы,
И новой жизни жар в него лишь этот стих опять
вдохнет.

Больному сердцу чем помочь? Его любовь томит,
увы,
И стрелам горя день и ночь грудь моя —
словно щит, увы.

Не звездным светом небосклон горит, так ярко
озарен, —
То на заре мой горький стон пылает, к небу
взвит, увы.

О, был поистине тяжел Фархаду скорбный путь
к Ширин,
И, как Мансур, он смерть обрел, отчаяньем убит,
увы.

Лелеял в доле мук и бед любовь к Лейли
несчастный Кайс,
Но счастья истинного свет был от него сокрыт, увы.

И не суди, о праздный люд, что в пользу мне и
что во вред:
Нелегок груз любовных пут, в любви всё — вред и
стыд, увы.

Каких, о сердце, мне щедрот от моего кумира
ждать:
Чье сердце — словно камень, тот лишь злобою
казнит, увы.

О Увайси, сей мир бедов: он весь во власти суеты,
Мне только прах с твоих следов — лекарство
от обид, увы.

По красоте, лучащей свет, нет тебе равных,
о мой друг,
Нет у тебя, поверь же, нет подобных мне столь
верных слуг.

Ужель, тоску тая в груди, мне света счастья
не видать?
Ужель тебе — о, пощади — меня проведать
недосуг?

О разум, не перечь, пусти — душа из тела рвется
прочь:
Когда соперницы в чести, как мне не умереть
от мук?

О помощи и слабый зов я с трепетом таю в себе:
Ведь сотряслись бы до основ земля и весь
небесный круг!

Всю ночь стенала я без сил, но чужд тебе
мой горький пыл, —
Лишь ангелов и восхитил моих лихих стенаний
звук.

О, как безжалостно жесток к моей судьбе коварный
рок, —
За то, увы, ко мне он строг, что мне не чужд
чужой недуг.

Твой дух — о милом друге стон, а плоть —
твой разум, Увайси, —
И дух из плоти рвется вон, снести не в силах боль
разлук.

* * *

Не о тебе промолвлю слово — зму толковым
не бывать,

А призову на торг другого — делам торговым
не бывать.

Ты мне грозить кудрей арканом, и мне безверие
грозит,

А я грожу ресниц колчаном — и тем оковам
не бывать.

Ты — мой любимый, несравненный, и ты
пленяешь все сердца,

Другим любимым во вселенной — под ее кровом —
не бывать.

Пока отравным я угаром моей любви опьянена,
Моих соперниц злым карам, их козням новым
не бывать.

Не тешьтесь же мечтой бесплодной порыв любовный
приручать:

Любовь — сова в глуши невзгодной, в уюте
совам — не бывать.

Исход для сердца разве нужен из плена
вьющихся кудрей?

Мой дух от ревности недужен — ему здоровым
не бывать.

Тебя всегда хвалить готова, о мой любимый,
Увайси, —

Не о тебе промолвлю слово — пусть ему словом
не бывать.

Что ни пошлет мне бог — увы, всегда несчастна я,
И мой жестокий рок корит молва стогласная.

Меня за то клянут, что я слаба и немощна,
Что птицам бед приют свиваю ежечасно я.

Мой дух к красе влеком, а тело все обуглилось, —
На светоч мотыльком лечу, пылая страстно я.

На свете мой недуг вовек никто не вылечит, —
Дала мне долю мук моя судьба всевластная.

А людям невдомек — они о том не ведают, —
Что я — да славен бог! — сама звезда прекрасная.

Влюбленным глубина морей любви дарована,
А я на дне одна свечусь, как жемчуг, ясная.

Нет, не всевышний шлет мне, Увайси, мучения:
Терплю я стойко гнет — сама на все согласна я.

* * *

Любовью жги меня в огне — и пламень в сердце
жгучий будет,
Твоя краса пусть в очи мне волною бить кипучей
будет.

О шах прекрасных! Начинай веселое ночное бденье,
И пусть играют чаг и най — прекрасен лад
созвучий будет.

Ты из ресниц моих калям себе, пнсец, надежный
сделаи, —

О муках тебе весть я дам — и повесть бед
горючей будет.

О, напой вином, мой друг, святош-отшельников
притворных, —
Пусть не узнают мой недуг — их сон клонить
тягучий будет.

Блажен, кому судьба дарит жемчужину заветной цели,
А мне заветный путь закрыт преградой могучей
будет.

О взор мой! Ты не перенес разлуки с образом любимым,
И пусть же ливень твоих слез низвергнут темной тучей
будет.

Да, Увайси, любовь тяжка, но вступишь ты в чертог влюбленных —
Будь верной до тех пор, пока могила неминучей
будет.

* * *

Весь век свой в доле бед и мук, страдая, тужит Увайси,
Кому такой же дан недуг — лишь с теми дружит Увайси.
Увайси.

Я думала, сей мир хорош — увы, в нем верных не найдешь,
Но, и презрев мирскую ложь, увы, недужит Увайси.
Увайси.

Я искры стонов ввысь взвила — им, как и звездам, нет числа, —
С земли до неба тенью зла повсюду кружит Увайси.
Увайси.

Ханжа-притворщик, ты привык хулить трущобы горемык,
Вглядись — и взор твой в тот же миг там обнаружит Увайси.

Всем, кто, гоним и одержим, готов идти путем
благим. —

Главой всегда охотно им в пути послужит Увайси.

Ты Увайси не назови неотрешенной, о мудрец, —

В безмерных бедствиях любви потайно тужит
Увайси.

* * *

Влачась во прахе и в пыли, я стоном и стыдом
томима,

И, как Меджнун свою Лейли, люблю я друга
одержимо.

Согнулся стан мой — гнет жесток, изнемогли душа
и разум,

И слез моих кровав поток — бурлит Джейхун
неудержимо.

Путь отрешенья мной презрен, кумир мой дал мне
чашу страсти,

В цепях любви влачу я плен — печаль моя
неотвратима.

От мук печальна я стократ, но и стократ вкушу
отраду, —

Пусть меня люди не корят — мол, все во мне
неуследимо.

Твоя молитва, о аскет, — порок и грех, исчадье
ада,

Увы, бесследен ее след — любовь одна лишь мною
чтима...

И кто сумел бы мне помочь багрянец твоих уст
восславить? —
Одна я в муках день и ночь, мой взор кровоточит
незримо.
Да будет Увайси хвала — она пустых речей
не знает:
Грудь ее кровью истекла, но сказанное —
нерушимо.

* * *

Ко мне, печальной, милый друг стал нынче
не суровым, право,
И в нем любовь проснулась вдруг — он стал
к любви готовым, право.
Мне все твердили уж давно, что речь его сладка,
как сахар, —
Нет, больше сладости дано его устам медовым,
право.
Я пала на порог его, о сладостных устах тоскуя,
И сердце, стывшее мертво, как будто стало новым,
право.
Да будет до конца времен он кипарисом
называться,
И да не будет он сражен, — он назван верным
словом, право.
Всечасно ввысь устремлено, к тебе летело сердце
птицей,
Но пало на землю оно, подбито птицеловом, право.
И, правду говорят, стыдна твоя безжалостная доля:
Ты, Увайси, посрамлена — твой жребий стал
бедовым, право.

Защита твоя в доле мук сердцам сокрушенным
желанна, —
Лихого безумья недуг сломить помраченным
желанно.

Мой взор ожиданьем томим, тебя лишь и ждут
мой очи —
Им встретиться с ликом твоим, красой озаренным,
желанно.

Всевластно влечет меня страсть туда, где стезя
твоя ляжет, —
Во прах пред тобою мне пасть в смиренье
смущенном желанно.

Любовь к тебе в сердце таю — потайна она и
незрима, —
Мне высказать муку мою всем сердцем смятенным
желанно.

Вот диво: кто предан мечтам, свершения их
не дождется,
А внять-то всего двум словам, тобой изреченным,
желанно.

Тому, кто любовью палим, души своей нитью
живую
Прильнуть к несравненным твоим кудрям
благовонным желанно.

О кравчий, вином угости — грустит Увайси
о похмелье:
Ей радость в вине обрести, тобой поднесенном,
желанно.

Очарованный тобой, роком был наказан я —
С моей розой я судьбой опостылой разлучен.

Сердце истекло слезой, истомленное навек, —
И за что с моей лозой я, помилуй, разлучен?

Небо, это — месть твоя иль уж так мне суждено?
С доброю подругой я, ей постылый, разлучен.

В чаше бед тягуч и густ яда терпкого настой,
И с усладой твоих уст я, бескрылый, разлучен.

Увайси, от мук больной, утешенья нет ни в чем, —
Что за бедетвие: со мной друг мой милый разлучен!

* * *

Всё, что я скрываю в глубине, о тебе, непотайном,
мечтает,

Всё потайно скрытое во мне о тебе лишь об одном
мечтает.

На меня, о мой Иса, взгляни: губы мои — двое
мертвых рядом, —

Сладость уст твоих вкусить они, тягостным объаты
сном, мечтают.

Руки мои жаждут твоих рук, о твоём мой взор
тоскует взоре,

Стан мой, долу гнущийся от мук, — о твоём,
как луч прямом, мечтает.

И не говори мне — я, мол, глух, зова твоего, мол,
я не слышу, —

Дважды кликнуть клич готов мой дух — и о том и
об ином мечтает.

Внятен зов мне, но уже невмочь моему невидящему
взору, —
О твоём челе он день и ночь — твоём лице
неземном мечтает.

Исцели свиданьем от разлук, исцели свиданьем
от страданий, —
Сердце о тебе под гнетом мук в помрачении
больном мечтает.

Мне кудрей желанна темнота, пологом закрывших
лик твой светлый, —
Не дивись, что всё во мне — мечта, всё лишь
о тебе одном мечтает.

* * *

Из Коканда-города пришли вы. Где мои кавуши —
не у вас ли?
Знаете вы: дни мои тоскливы. Где мои кавуши —
не у вас ли?

Мы на днях в Ходженте побывали, радовались
очень мы вначале,
Но Уратепе — такие дали! Где мои кавуши —
не у вас ли?

У Кухангских гор красивы скаты — все
в тюльпанах, склоны там покаты,
И пышны сады там и богаты. Где мои кавуши —
не у вас ли?

Но в печалях нет у меня друга, плачу я — увы,
пришлось мне туго,
Мне Кукабиби — в беде подруга. Где мои
кавуши — не у вас ли?

И не встать мне нынче без подмоги: путь тяжел
был, и распухли ноги,
Вот что приключилось в той дороге. Где мои
кавуши — не у вас ли?

А других кавушей нет, не видно, да и денег нет, —
вот что обидно,
У Шадманбубуш просить мне стыдно. Где мои
кавуши — не у вас ли?

Сапоги у сына худоваты, хоть и наложил на них
заплаты
Добрый человек, не взявши платы. Где мои
кавуши — не у вас ли?

Дума о кавушах сердце гложет, дума о деньгах
меня тревожит,
Вот Давлатбегим — она поможет. Где мои
кавуши — не у вас ли?

Я приду к ней с просьбой о подмоге — мол,
поймите вы мои тревоги:
Без кавушей нынче мои ноги. Где мои кавуши —
не у вас ли?

Вы — душа, мол, в моем брэнном теле, жаль уйти
мне, не добившись цели, —
Только вы помочь бы мне сумели. Где мои
кавуши — не у вас ли?

Внял бы моим стонам шах всевластный, —
к небесам взлетел мой вопль ужасный, —
Помолись об Увайси несчастной. Где мои кавуши —
не у вас ли?

بسیار از آن کجاست بر لب گردن
 چون سر را به سطحی مثل چون

بسیار بر که آیا بهوش نازد
 همچو آن از بر او کل افروزی خوشبو
 بسیار و جوانه لاری کجاست خزان
 در آن سر پادشاه از روی کاشان

* * *

Не мудрым быть среди глупцов, а страстью
одержимым лучше.

Жить не под кровом у лжецов, а в доле нелюдимом
лучше.

Среди хранящих в сердце страсть, среди идущих
смело в битву
За праведное дело пасть и кровью быть багримым
лучше.

Жить полумертвым существом в цепях разлуки —
что за благо?
Молить о жребии ином, тобой, Иса, даримом,
лучше.

Когда б смочить ты очи смог, ханжа, водой из моря
страсти!

Что святость! Слез пролить поток, тоскуя
о любимом, лучше.

«Вина мне, кравчий, приготовь, — просила я, —
вся кровь взбурлилась», —
«Не хмель, — ответ был, — жжет, а кровь, и кровью
быть палимым — лучше».

И, если много мук-обид ты, Увайси, в любви
претерпишь,
Не жалуйся, так бог велит, — довольной быть
даримым лучше.

* * *

Сердце с ним повстречалось — с тем строптивым
нежданно,
И вся кровь расплескалась — вдруг, порывом,
нежданно.

Повстречалось с суровым, повстречалось
с жестоким.

Вечно мучить готовым дивным дивом неожиданно.
Сердце словно сломалось, трепеща от тревоги, —
Я с терпеньем рассталась молчаливым неожиданно.

Он явил сердцу милость — снизошел ко мне
зовом, —

Видно, все мне простилось тем призывом
неожиданно.

Словно птицам, всем смутам на мне люблю
гнездиться, —

Им я стала приютом столь счастливым неожиданно.

Неужели недугам ты моим сострадаешь?
Значит, стал ты мне другом терпеливым неожиданно.

Разве диво, что страхом горемыка подавлен,
Если встретится с шахом горделивым неожиданно?

Одержима мученьем, Увайси тебя молит:
Снизойди к ней с терпеньем негневливым
неожиданно!

Когда истомно выйдет в сад мой нежный друг,
хмельным-хмельной,

Когда уста его блестят жемчужно-светлой
близной,

Тогда я плачу от тоски, но — нет, не кровь течет
из глаз, —

То — в горе льют мои зрачки рубинов ливень
проливной.

В багряно блещущем вине мне виден
несравненный лик, —

О кравчий, дай же чашу мне — да будет милый
друг со мной!
Бывал ли ты хоть раз не злым, о твердосердый
чаровник?
Ты добр к соперницам моим, и лишь ко мне ты
зол одной.

Дрожат тростинки стрел твоих на мне, как перья
легких крыл,
Но мне не прилететь на них, увы, в приют твой
неземной.

Зерцало взора в тот же миг зардеет от твоей
красы,
Едва взгляну я на твой лик, мерцающий во тьме
ночной.

Твой лик ли виден вдалеке, завесою кудрей
сокрыт,
Иль это розу в цветнике рейхан окутал пеленой?

На мне — посконная хырка, одежда бедных
горемык, —
На что мне шахские шелка? — не нужен мне
наряд иной.

Дружна с кручиною разлук, увы, страдает
Увайси,
И лишь печали — верный друг мне, истомленной
и больной.

• • •

Любовь! Что я тебе открою, — смотри, чужим
не выдавай,
И даже избранному мною — не только им —
не выдавай.

И хоть все сердце муки сжали и кровью сердце
облилось,

А все же уст твоих печали ты взорам злым
не выдавай.

Над ликом, как луна красивым, волнятся кудри,
словно сеть, —

Ты меня жертвою извивам их колдовским
не выдавай.

В душе моей я мед слагаю с твоих
медвяно-сладких уст, —

Смотри же, тайну поугаю, что ты любим,
не выдавай.

В просторах цветника мирского нет роз достойнее
тебя,

Но ты о розах это слово, смотри, другим
не выдавай.

В пустыне бед в мученьях ярых я, по тебе томясь,
брожу,

Но ты ту тайну на базарах врагам моим
не выдавай.

Хоть ты в печали неумемной теперь тоскуешь,
Увайси,

Ты никому, что взор твой томный тоской томим,
не выдавай.

* * *

Любовь и страсть в себе тая, порочить их тщетой
не смей,

И сердце, словно соловья, неволить красотой
не смей.

И речь твою да охранит от славословья
красоте, —

Не зарясь на красивый вид — себя увлечь мечтой
не смей.

И если веры твоей явь ты хочешь блеском озарить,
Безверью шею не подставь — поддаться скверне
той не смей.

Что было впитано тобой, из сердца сразу
не изъять, —

Прельщаться лживой ворожкой и хитростью пустой
не смей.

Вот мой совет: храни свой дух от хмеля вкрадчивых
речей.

И лестью усыплять свой слух и ложной добротой
не смей.

Святой молитвы звук храня, не льстись на кривду,
мой язык, —

Советчик, ты манить меня напрасной суетой
не смей.

Кто страстью, Увайси, влеком, ты с них во всем
бери пример, —

Храни мечту свою — стихом точить ее устой
не смей!

* * *

Повстречалась со злым я, камнесердым на диво, —
Люди, верьте лишь добрым — чья душа
справедлива.

Я люблю его верно, человечно, душевно.

Почему ж его сердце так недобро, гневливо?

От любви безответной пала наземь в тоске я,
Но в порушенном робость — лишь предвестие
взрыва.

При свиданье с тобою я совсем потерялась, —
Лунный свет при восходе сразу меркнет пугливо.
Если косо ты смотришь и меня отвергаешь,
Разве жертвой паду я пред тобой молчаливо?

Ты к другим благосклонен — оживляешь их души,
Только я моей казни ждать должна боязливо.

Правоверно и верно красоту твою чту я, —
Я в мольбе пред тобою пала благочестиво.

Увайси, в этом мире не видать тебе счастья, —
Никогда не сбывалось мне желанное диво.

* * *

Соперниц стрелами рази, а не меня, — я умерла,
Не мне огнем своим грози — и так сгорела я дотла.
Зачем соперниц, о творец, ты с милым другом
содружил, —

О, не щади же их сердец, не охраняй от бед и зла!

У роз коварны острия, и горько стонут соловьи, —
О, чья бы воля соловья от мук неволи упасла!

В силки, в тенета бед и смут приманкой ты меня
завлек, —

О, не готовь же новых пут — на мне и так им нет
числа.

Вступи в тайник моей души, и пусть погибнет моя
плоть, —

Меня от муки отреш, — пойми, сколь ревность
тяжела.

Но сердцу не сломить недуг, я не с тобой,
а в доле мук, —
О, не грози мечом разлук — и так все муки
я снесла.

О Увайси, тебе дались богатства дорогой казны, —
Хоть и горюешь, а таись — да не доймай тебя
хула!

* * *

Унижена тобой, мой друг, грустна я от любви
моей,
Изражена я злой молвой, больная от любви моей.
Терзаюсь ночью я и днем, в душе сокрытое тая, —
Томлюсь я сырým соловьем, стенаю от любви моей,
Едва лишь вспомню взор я твой, томимый
полусном хмельным,
Горю полночною звездой без сна я от любви моей.
Я попорана, как муравей, счастливыми я презрена, —
Такая среди всех людей одна я — от любви моей.
На что мне ум, и что мне в нем, на что пригоден
разум мой?
В огне палимая, огнем полна я от любви моей.
О лекарь, дай воды живой — мои недуги
исцелить, —
Изражена я злой молвой, больная от любви моей.
Открой же мне калитку в сад, где розы —
словно милый лик, —
Садовник, я томлюсь, отрад не зная от любви
моей.

Мне — о красе твоей грустить, мне — твои кудри
вспоминать, —
И веру и безверье чтить должна я от любви моей.
О Увайси, ступай и ты туда, где покупатель есть,
Хоть на базаре суеты бедна я от любви моей!

* * *

Ищу тебя я день и ночь, — ты, луноликий, —
всех желанней, —
Не так ли Кайс уходит прочь — искать Лейли
в степи скитаний?

Едва вздохну я — и со мной твоих кудрей
благоуханье,
Как будто бы пахнул волной душистый мускус
тысяч ланей.

Я красоту бровей твоих хвалой немолчной
восхваляю,
В беседах всем хвалю я их, всегда — и в поздний
час, и в ранний...

Фархаду — слава и почет, хвала Меджнуну и
Мансуру, —
Их — образ избранный влечет превыше всех
доступных граней.

Прекрасен стан твой-чаровник, чарующ взор очей
миндальных,
А твой подобный розе лик — всех дивных роз
в саду багряней.

О Увайси, во мраке бед ты лик любимый
прославляешь, —
В нем виден тебе горный свет — лученье
благостных сияний.

Жертвой тысяч невзгод и мук я умру на твоём
 пути —
 На политом в тоске разлук моим слезным дождем
 пути.

Лью я ливень багряных слез, одиноко я вдаль
 бреду,
 И от слез вешний сад возрос — рдеют розы
 на том пути.

Тяжек путь мой в горах и крут — жаль меня даже
 кручам скал, —
 Где рубин мой, где изумруд? Я скорблю на лихом
 пути.

Лунный свет твоего чела лишь увижу —
 и вмиг умру, —
 Я твоею жертвой была весь свой век — на любом
 пути.

Сколько разных дверей-ворот предо мной
 открывалось вмиг,
 Но к тебе мне закрыт проход — скорбна я на моем
 пути.

От одних мне — лишенья бед, — пожалей же меня,
 мой друг,
 От других — клевета-навет, — труден каждый излом
 пути.

Ты теперь, Увайси, вольна избирать себе путь
 любой,
 Но пока тебе жизнь дана — нет удач на твоём
 пути!

* * *

Сад сердца — весь в шипах, без роз.
Где розоликий? Он — не здесь.
Как не стенать мне в муке слёз?
Ведь соловьиный стон — не здесь.

О, как моей душе больной томиться тяжело здесь
одной, —
Ведь благовоннокудрый мой, со мною разлучен,
не здесь.

Истомною волной вилась его кудрей душистых вязь,
Но тот, кого я жду, томясь, навек утратив сон, —
не здесь.

Я, страха в сердце не храня, жду милостей день
ото дня,
Но тот, кто цепи на меня надел со всех сторон, —
не здесь.

Иссохла в жажде я немой, — о виночерпий,
что со мной?
Что делать — сладкоустый мой, любви ко мне
лишен, — не здесь.

Ступай, о вестник, в даль дорог к тому, кто так
суров и строг, —
Ведь тот, кто сердцем так жесток, не шлет, увы,
поклон, — не здесь.

Ты, Увайси, в плену угроз, в неволе мук, невзгод
и слёз, —
Сад сердца — весь в шипах, без роз.

Где розоликий? Он — не здесь.

* * *

Прекрасный мой кумир жесток, и ревность меня
жжет смертельно,
Терплю я мой нелегкий рок, но боль моих невзгод
смертельна.

Я неприкаянно бреду, в страданиях любви
скитаясь,
Покорно я сношу беду, но мучит меня гнет
смертельно.

Бедой утешусь я в беде, из ран моих взращу
тюльпаны,
Все молча претерплю в стыде, но боль меня гнетет
смертельно.

О тайне муки горевой я не промолвлю и полслова,
Но мучит злобною молвой меня весь чуждый сброд
смертельно.

И можно ль в сердце — лишь одном хранить
любовь двоих и дружбу?
По сердцу, что скорбит о нем, меч бедствий меня
бьет смертельно.

О Увайси, твоя мечта — о тех, кто счастлив,
строен станом,—
Хоть ты душой и молода, но мука стан твой гнет
смертельно.

* * *

Я вся — любовь к тебе и страсть, душа чужда
иного,
Твоих бровей мила мне власть — нет мне суда
иного.

И наяву я и во сне лишь стройный стан твой
вижу, —
Поверь же: помысла во мне нет никогда иного.

А он, участием не влеком, меня жестоко мучит, —
Нет в унижении моем, кроме стыда, иного.

Погиб мой дух от гнета бед в моем иссохшем
теле, —
Ни телу и ни сердцу нет, кроме вреда, иного.

Гонец, ступай туда, где он — жестокий мой
любимый,
Скажи, что все во мне — лишь стон, —
нет и следа иного.

С другими добр — со всеми сплошь, меня стократ
презрел ты, —
Зачем же ты мне не пошлешь хоть иногда иного?

Лачугу Увайси, мой друг, не обдели вниманьем, —
Кого ж еще, томясь от мук, я жду сюда иного?

* * *

В черной вязи этих горьких строк — моих стон
дым, о чаровник, —
Кто, скажи, когда тебя нарек именем таким,
о чаровник?

За тобою я гналась вослед — ты, как вольный
хищник, ускользал. —
Не был никогда послушен, нет, ты мольбам моим,
о чаровник.

Ярый жар любви меня печет — я в горниле
огненном горю,
Ты в своих обетах — словно лед в стылых кущах
зим, о чаровник.

Ты человек красив, очами — лжив, ты сладкоречив
и не правдив,
Мучишь ты, устами отравив, как вином хмельным,
о чаровник.

Сердце мое горечью разлук ты к терпению горя
приучал,
Сам же ты не знал терпенья мук — горем не томим,
о чаровник.

Идию, не настали времена мне отраду стрел твоих
познать, —
Посыплет мой устремлена к стрелам я твоим,
о чаровник.

Ты, как ловчий, в сеть кудрей гоня,
губишь Увайси, — ей не спастись:
Сколько жертв, похожих на меня, в плен попали
к ним, о чаровник!

* * *

Как кишарис, твой строен стан, и краше роз твой
милый лик,
Птицы кудрей затмят рейхан, нарцисс перед тобой
поник.

Сей, хумаюнова крыла, едва простершись надо
мною,
Мою гордыню ввысь взвила и вознесла в единый
миг.

Он и мудри, словно в сеть силков, упрятал родинок
зерно, —
Сердца он, словно птицелов, ловить приманкой той
привык.

О том, как ветер бед принес дыханье ревности
в цветник,
И об ушедших купах роз — их доле бральной
расскажу.

Кавалю творцу, весенний цвет возрадует бутоны
уст, —
И я про близкий мой рассвет, в ночи явленный,
расскажу.

О Уайлен, ты в суеде влачишь свой нищенский
удел, —
Скажи: «Как я о красоте столь несравненной
расскажу?»

* * *

Мечом презрения рази — я жертвой бессловесной
буду,
И гневом стрел-ресниц грози — погибшей я,
безвестной буду.

Огнем любви меня пали, но не сжигай совсем, —
помилуй —
И нем твоим, влачась в пыли, поживой я
чудесной буду.

Перни я, но любимый мой ко мне менял
не засылает, —
О ты, базар тщеты людской! Пока жива,
я честной буду.

Ким соловей души моей мечтает о свиданье с розой!
Но ринь шипами, пожалей, — я гостыю безлестной
буду.

Раз недостойна я щедрот, о, не гони хоть от порога, —
Рыдать, терпя всю боль невзгод, я здесь, о мой прелестный, буду.

Огонь любви палит, — я жду: набрось же мне зуннар на шею,
И я, пылая, как в аду, терпеть недуг телесный буду.

Хоть Увайси из твоих уст всегда одни обиды слышит,
И злым речам, о сладкоуст, я жертвой бессловесной буду.

* * *

Тяжел времен зловещий гнет, — душа сплошною раной стала,
Жесток и грозен небосвод, — душа сплошною раной стала.

Грудь мою до крови сечет меч недостойных супостатов,
И глуп и склочен этот сброд, — душа сплошною раной стала.

В сих бранных кущах кто найдет хоть жалкий угол без порока?
Повсюду тернии невзгод, — душа сплошною раной стала.

Кто тайну помыслов поймет людей, презревших все соблазны?
Хулят их злыдни всех пород, — душа сплошною раной стала.

Кровь сердца из очей течет неутихающим потоком,
Средью я на годом год,— душа сплошною раной
стала.

Мини и начинен мне исход? Кровавым рдеет грудь
бутоном.
Но сердце розой не цветет,— душа сплошною раной
стала.

Миня стонаний и забот не выдавай недобрым
людям,—
Или ж, как не ты, меня поймет? Душа сплошною
раной стала.

И пусть неведом мне почет, порадуй хоть единым
словом,—
И, синьорди ко мне с высот,— душа сплошною
раной стала.

Мне сердце соловей сожжет — гость из неведомого
сада,—
Он веснь свою запел, и вот — душа сплошною
раной стала.

Ах, как он дерзко речь ведет,— была ли чья
печальной доля?
Ну, не лихой ли сумасброд? Душа сплошною раной
стала.

О Унииси, ты в свой черед сложила стих сей
необычный,—
Он — уж не зависти ли плод? Душа сплошною
раной стала.

* * *

Ты каких полей цветок? Красоте твоей хвала!
Ты каких морей поток? Что ты за ручей?— Хвала!

Ты вкушаешь хмель любви, твоя чаша — небеса,
Сладкие уста твои все хмельней, хмельней,—
хвала!

О, когда же ты придешь? Очи вытекут от мук,—
Прах с твоих следов пригож для моих очей,—
хвала!

Семь небес пронзил мой стон, слышен ангелам
мой крик,
И от них со всех сторон — верности моей хвала.
Увайси, увы, жесток твой любимый и суров,
Но хранит тебя сам бог милостью своей,— хвала!

* * *

Почему так чужд мой милый? Жар пылает
в моем теле,
Птица сердца сникла хило — крылья-перья
обгорели.

Если ж, милостью врачаю, вдруг придет ко мне
желанный,
Перед ним во прах паду я, чуть живая — еле-еле.
Он немилостив — нет мочи, и глаза его жестоки,
Моей верой его очи вдруг набегом овладели.

День и ночь смертельно млея, я о встрече с ним
мечтаю,
А увижу — онемею, жизнь — совсем уж
на пределе.

Сердце! Ты пощады ранам и не требуй
от красивых,—
Сколько стройных прежде станом сникло,
не добившись цели!

Ни к чему твои заботы — мне с тобой не быть,
о кравчий, —
Льешь моим врагам вино ты, мне ж — и не мечтать
о хмеле.

Распростишь, святоша, с думой о стезе всех
отрешенных, —
Ты об Увайси подумай — о лихом ее уделе!

* * *

Весть о возлюбленном моем мне — благо благ, —
творец велик!
В моих мечтаниях о нем неизгладим желанный лик.

О кравчий, гребнем языка не расчесать мне пряди
строк:
Там, где похмельная тоска, нем самый сладостный
язык.

Кто жизнь влачит под кровом смут, — всегда
в тревоге, словно ртуть,
И только твой порог — уют успокоенья горемык.

Завесу мускусных кудрей лишь ветерок
пошевелил —
Всех милостей земли щедрей, твой образ предо
мною возник.

Не думай, о безбедный, нет, что ты хмелеешь
без вина, —
В саду души тебе хмель бед подносит
кравчий-чаровник.

Для птицы сердца зёрна мук — обильный,
неизбывный корм, —
Мысль о свиданье в ночь разлук силком неволит
каждый миг.

Святоша, видел ты не раз, сколь тяжек жребий
Увайси:
Она — в плену миндальных глаз, а он —
страшной любых вериг.

* * *

Друзья, меня сей грозный рок — коварный
небосклон уьет,
Но и любимый мой жесток: дойдет к нему
мой стон — уьет.

Едва увидев ямки щек, низверглась в яму
бедствий я,
Меня кровавых слез поток иль милых уст бутон
уьет.

Свиданье с ним — страшнее мук, — о, я познала
сей недуг,
И нескончаем гнет разлук — меня, я знаю,
он уьет.

Росло отчаянье во мне, и нить любви я порвала,
Но он всегда со мной во сне — меня тот горький
сон уьет.

Вслед за любимым, наугад, я в море тайны
поплыла, —
Меня терзаний моих град, летя со всех сторон,
уьет...

Не жди свиданья, Увайси, — ведь чаша сердца так
хрупка!
Твой друг суров — ты всё снеси: тот, кто красив,
как он, — уьет.

Кто в этот бренный мир придет, влачить свой век
ему легко ли?
Сей мир — пристанище невзгод, темница
бедственной неволи.

Не знаю я, сверкнет ли вдруг мне радостный
рассвет свиданья, —
Судил любимый ночь разлук терпеть мне
в горестной доле.

Прости вину мне, если я сказать все ладно
не сумела:
О том, как скорбна жизнь моя, сказала я лишь
в малой доле.

О знающий мою беду! Мне не дружить уже
с тобою:
Перед любимым я паду, прощаясь с жизнью
поневоле.

О лекарь, милость прояви — не думай мне найти
лекарство:
Тому, кто болен от любви, нет исцеления от боли.

А лика твоего лучи сквозь пелену кудрей
сверкнули —
И — словно бы луна в ночи льет свет, невиданный
дотоле.

О Увайси, все тщетно — брось свои потуги
верить миру, —
Ты в этом мире — только гость,
и кратковременный, — не боле!

* * *

Я горький стон мой вознесу — и друг любимый
мой проснется,
Бог да хранит его красу, — и взор его хмельной
проснется.

Сосуд надежд, любезных мне, я в океан любви
закину —
И жемчуг в донной глубине, от сна разбужен мной,
проснется.

Когда безмерным гнетом мук лихая хворь извещ
мне тело,
Целитель, лечащий недуг, в моей душе больной
проснется.

Заснет любимый хоть на миг — и гибель суждена
влюбленным,
Но уст его живой родник для них же в миг иной
проснется.

Он высших милостей глоток вкусил вечернею
порою,
И поутру, как сам восток, с красною неземной
проснется.

Твой, Увайси, пришел черед терпеть с томительной
надеждой:
Властитель тайн твоих зевнет и для тебя одной
проснется.

* * *

Любимый, сядь, — вокруг тебя, как небосвод,
я обернусь, —
Меджнуном, что, душой скорбя, в степи бредет,
я обернусь.

Я кровью вся обагрена, гонима сворой твоих псов, —
Кровавой чашею вина моих невзгод я обернусь.

Увидев мой позор, ты зря не укоряй меня, молю, —
Таюсь я: лишь взойдет заря — и на заход
я обернусь.

Всю грудь до крови изорвав, томлюсь я по твоим
устам, —
Потоком слезным, чей кровав водоворот,
я обернусь.

Душа исходит горлом прочь, — о, дай мне хмеля
твоих уст, —
Готовой жажду превозмочь, стерпеть твой гнет
я обернусь.

Бог меня долею такой — судьбой злосчастной
наделил, —
От слез моих Джейхун-рекой — потоком вод
я обернусь.

Зачем же презрена тобой и бесприютна Увайси?
Пойми мой жребий — и рабой твоих щедрот
я обернусь.

* * *

Как я, разлукой истомясь, всю кровь не пролила, —
не знаю,
Как кровью слез не облилась моих одежд пола, —
не знаю.

Порчат толки злых людей меня за то,
что я живая, —
Как от силков твоих кудрей я жизнь свою спасла, —
не знаю.

Лишь бы свидеться мне с тобой, — я и душу отдам
за это, —

Будет плоть моя врозь с душой, ну а мне
их разлад — во благо.

Страшной жаждой я спалена — будь же милостив,
не отвергни:

Если дашь мне испить вина, мне и грозный твой
взгляд — во благо.

О купец на торгах любви! Томный взор твой —
моя погибель.

Покупаешь — что ж, дешеви: мне и малый
заклад — во благо.

Знай, о сердце: сей мир земной вечно юных цветов
не ведал, —

Отрешенности сок хмельной тебе — слаще услад,
во благо.

Увайси, боль своих тревог утай от милого друга, —
Ведь тебе даровал сам бог много разных отрад
во благо.

* * *

Бить градом кар лихих меня ты будешь,
злой рок, доколе?

И унижая, и казня, ты будешь столь жесток
доколе?

В чем суть всех бед — в судьбе моей, во мне
самой ли, в невезенье?

Терпеть мне муку от друзей и от врагов упрек
доколе?

К святым местам ступай скорей, потри священным
прахом очи, —

Сносить в короткой жизни сей гнет суесловных
склок доколе?

И почему ж не умереть, возвышенной любви
взыскупя?

Израненной душой терпеть людской молвы порок
доколе?

Ты мне, о небо, не перечь: твой пир скудней,
чем пост убогий, —

Сносить, лишась желанных встреч, разлуки долгий
срок доколе?

Изменчив рок, и нет твердынь, его проклятью
неподвластных, —

О сердце, путы плоти скинь, — твой пыл будет убог
доколе?

Страсть внятна сердцу твоему, а бог, увы, о ней
не знает, —

О ней не скажешь никому ты ладным строем строк
доколе?

Взгляни-ка: под твоей стопой — зыбучий скат
в пучину бедствий, —

Идти неведомой тропой твой путь тебя обрек
доколе?

В морях любви ценою мук добыт тобой бесценный
жемчуг, —

Его не упусти из рук, — столь щедрым будет бог
доколе?

Остаток жизни своей ты, о Увайси, отдай
молитвам, —

Жить на базаре суеты среди мирских тревог
доколе?

Ты, бедных горемык презрев, к их нуждам будешь
глух доколе?

Скажи мне, о могучий лев, ты будешь мучить мух
доколе?

Венцом неизреченных благ ты так блистательно
увенчан, —

Да будет ум твой мудр и благ, — продлится гнет
порух доколе?

Кто сердцем и правдив и прям, тот дружбой
с доблестными славен,

А ты, благоволя льстецам, с друзьями будешь сух
доколе?

О ты, кто сонно жизнь ведет! Тебе невнятно звезд
горенье, —

Жечь будет стоном небосвод пылающий мой дух
доколе?

Тяжело-каменным сердцам жемчужным блеском
не светиться,

А жемчуг добывать — пловцам, жар сердца
не потух доколе.

О Увайси, с собою ладь — в зеркало сердца глянь и
слушай, —

Достойными пренебрегать твой будет взор и слух
доколе?

МУХАММАСЫ

МУХАММАСЫ НА ГАЗЕЛИ НАВОИ

* * *

Ты забыл о горе моем — как тяжка боль моих
обид,
Ты — султан в величье своем, — кто ж еще мне
заслон и щит?
Моей жизни печальный дом скорбь-печаль по тебе
крушит.
Ты — как роза, красив челом, строен станом ты,
как самшит, —
Неприкаянным соловьем я в разлуке плачу навзрыд.
Если в сердце веселья нет, как изведать мне вкус
вина?
У познавшего долю бед разве будет чаша полна?
Не нашедшему птичий след птицелову не ведать
сна.
От очей твоих сердцу — вред: птице сердца смерть
суждена, —
Одну птицу ловить вдвоем — разве это не срам,
не стыд?
Нет, не ведает праздный люд, как бреду я,
сбиваясь с ног,
А увидят — и не поймут суть и смысл всех моих
тревог.

Даже ты был и зол и крут — мою муку понять
не смог, —
Видно, в школе лукавств и смут, где усвоил
ты свой урок,
Сам учитель к греху влеком — навек верности им
забыт.

О, как жажду я день и ночь верных дружбе найти
друзей,
Кто бы в горе моем помочь мне хотел молитвой
своей!

Стонет, если сердцу невмочь, опечаленный соловей.
Ты помучить меня непрочь, сколько я горьких
слез ни лей, —
Хоть булат и кален огнем, лишь вода его закалит.

Если весть из дальних сторон о Лейли получу
я вдруг,
Как Меджнун, вознесу я стон в непроглядной ночи
разлук.

Был Фархад лишь смертью спасен от страданий
своих и мук,
Но и в тысячной доле он не познал моих ран
недуг,

А Фархадом проход-пролом не один ведь в горах
пробит!

Вся изранена плоть моя. да на теле не видно ран.
Если б кровь не сдержала я, цвет одежды стал бы
багрян.

Жалят тернии соловья — стон его тоской обуян,
Есть у роз шипы-острия в вешнем цвете куц и
полян,

И содрать все перья живьем с соловья злоба их
грозит.

Если ты стал совсем хмельным, не испив ни глотка
вина,
Если ты, как сова, томим полудремою полусна,
Если ты задором таким, Увайси, вновь и вновь
полна,
Если страстью ты одержим, Навои,— не твоя вина:
Это значит — в сердце твоём образ дивной красоты
сокрыт.

* * *

О бутоне вспоминая, лик я видеть твой мечтаю,
А услышу попугая — говорить с тобой мечтаю,
К твоим милостям причастной быть я всей душой
мечтаю,
Я не солнце видеть — ясный лик твой зоревой
мечтаю,
Уст твоих упиться влагой — не водой живой
мечтаю.

Уши дремлющего сердца словно бы заткнуло ватой,
И, увы, не светит думой, меркнет ум мой
бесноватый.
Все сердца в мирском просторе по тебе тоской
объяты,
На тебе — сиянье солнца, чище райского ручья
ты,—
Всё трепещет, в твоём лике видеть отблеск свой
мечтая.

Тело и душа сгорели, став в огне любви золою,
Но избранник мне не внемлет, твердо его сердце
злое.

А кому ж еще я муки злой судьбы моей открою!

Как ручей, твой лик сверкает света яркого игрою, —
Блещут молнии, сравниться лишь с твоей красой
мечтая.

О конце моих мучений я мечтаю, горемыка,
С мукою моей сравнятся лишь страдания Вамыка,
Горе самого Меджнуна не бывало столь велико.
Кто кайлом Фархада ранен, тот сдержать не может
крика, —
Ранит взор твой, всю жестокость превзойти собой
мечтая.

Сколько равных мне в злосчастье ты, о небо,
мукой ранишь, —
Соям Мансуров, мне подобных, ты на виселицу
тянешь,
На базар любви ты манишь — осрамишь да и
обманешь.
Я пылинкой в свете солнца трепещу, — что делать
станешь!
Всех гнетешь ты, всех унижить злобною судьбой
мечтая.

Сердце! Все дано от бога — на судьбу свою
не сетуй.
Твой любимый метит строго всех влюбленных
смертной метой.
Увайси, лишь сам цветет он, тленом стужи
не задетый.
Был неверностью покаран, Навои, ты в жизни
этой, —
Всех томишь ты сладкоречьем, истомить тоской
мечтая.

Если жил ты, слез не зная, пленником забав, увы,
Значит, жизнь прошла пустая, и ты был неправ,
увы.

Есть ли прок жить, не сгорая, жара не познав, увы!
Жизнь моя была дурная, век мой был лукав, увы,
Каяться в грехах, стелая, — хуже всех отрав, увы.

С виду-то любовь красива, а по сути — доля мук,
Разнарядится на диво да сгноит в неволе мук!
Ни единого порыва нету в ней без боли мук,
Притворится она лживо, а найдет все боле мук, —
Жизнь моя прошла земная, счастья мне не дав,
увы.

Да исчезнет след отвратный горестных примет ума,
Ды изыдет безвозвратно из вселенной вред ума!
На весь мир позор стократный я терплю от бед
ума,

Обманул меня невинный, несусветный свет ума,
И теперь томлюсь, грустна я: нет на ум управ, увы!

Сердце! В гордости безмерной ты увязло в путях
зла.

Кто грешит такую скверной, недобры его дела.
Тешась речью лицемерной, ум спалила я дотла.
Люди веры правоверной! Жизнь моя к концу
пришла,
Не была добру верна я, — жизнь прошла
стремглав, увы.

О, не будь же кровожадным, чтоб не каяться
потом,
Чтоб с рыданием надсадным не отчаяться потом:

Кто был к другу беспощадным, с горем знается
потом.

Все свершай деяньем ладным, чтоб не маяться
потом, —

Что за прок жить, проклиная свой порочный нрав,
увы!

О кумир мой, душу в теле ты мне тайной
страстью жжешь,

Силы тела на пределе, все во мне разбито сплошь,
Я — как жертва на прицеле: бровью ты меня
убьешь.

Только что ж болтать? На деле все, что ни скажу
я, — ложь,

Правда вот: была темна я, жизни не поняв, увы.

Если б зов людей прекрасных до моих ушей достиг
Или мук моих всечасных к ним дошел бы стон и
крик!

У мужей понятий ясных слово есть, чей смысл
велик:

«Хоть бедняк и раб всевластных, лучше он дурных
владык», —

Плохо, если власть дурная — во главе держав, увы.

Разлучает с другом милым злых соперниц гнет
меня,

Лишь терпением унылым от беды спасет меня!

Оговором опостылым, Увайси, гнетет меня,

Знать про всех мне не по силам, Навои, но вот меня

Одолела хворь чудная — путь мой был лукав, увы!

МУХАММАСЫ НА ГАЗЕЛИ ФИЗУЛИ

* * *

Полезно ли, вредно ли страстное слово!
Мучительно страсти подвластное слово.
Свиданью прилично лишь красное слово.
В жемчужных устах твоих — ясное слово
И сыплешь ты жемчуг — прекрасное слово.

Бог дал тебе милость — прекрасен ты станом, —
Да быть тебе вечно во цвете багряном!
Вольно ж тебе мучить влюбленных обманом!
Уста твои тонки, а речь их с изъяном:
Изящно, но зло их опасное слово.

Любимый мой друг только тьмою ночьюю —
Во сне лишь, жестокий, бывает со мною.
Но скованы губы твои немотою:
Словам, как и мне, не расстаться с тобою, —
Уста не покинет напрасное слово.

Кто был еще столь же суровым, — не знаю,
Почтишь ли хоть раз меня зовом, — не знаю,
Иль к карам ты будешь готовым, — не знаю.
Кто славен, как ты, сладким словом, — не знаю, —
Жемчужно твое сладкогласное слово.

Спросить бы тебя о желанном-обетном,
Да кто ж отвечает, увы, безответным!
Спросить бы тебе, Увайси, о запретном,
Узнать Физули бы о самом заветном, —
Услышать бы небезучастное слово!

Полюбишь — терпению учись, не ведай иного
желанья,
Прими мой совет: берегись, не молви ни слова
желанья.
С разлучною долей смиришь: иное бредово желанье,
В любви от себя отрешись, смиряя сурово
желанья, —
Влюбленному должно спастись от страстного зова
желанья!

Сначала любовь осрамит тебя своей страстью,
о сердце,
Потом меч разлуки сразит тебя своей властью,
о сердце.
Но если друг милый забыт — то хуже несчастья,
о сердце:
Хотя мысль о нем и грозит тебе стать напастью,
о сердце,
Свой дух к отрешенью приблизь — вот суть и
основа желанья.

Меня, словно саблю мук, сражаешь ты выгнутой
бровью,
Одна безнадежность вокруг, и мрак — над моею
любовью,
И если я в муках разлук, зачем предаваться
злословью?
Нет сил одолеть злой недуг — лекарство найти
нездоровью, —
Увидеть красы твоей высь — мое бестолково
желанье.

Звеню, как бубенчик невзгод, я в горестном доле
разлуки,
Беда за бедою идет — как жить мне в юдоли
разлуки?
Но истинно любит лишь тот, кто терпит все боли
разлуки, —
Терпи же безропотно гнет, будь стойким в неволе
разлуки,
Не то с твоим милым вестись у многих бедово
желанье!
Быть верными в дружбе всегда — дано ли
прекрасным? Что делать?
Была ль их душа не тверда к их жертвам
безгласным? Что делать!
Судьба моя зла и худа мученьем всечасным, —
что делать!
Раскинула сети беда на гибель несчастным, —
что делать!
Раскинь сеть кудрей — не тансь, — как жить без
такого желанья!
И ежели в душу мою твой образ проник, —
что ж такого?
Я просто пример подаю для всех горемык, —
что ж такого?
Терплю я немилость твою, убитая вмиг, —
что ж такого!
Но к жизни я вновь встаю, увидев твой лик, —
что ж такого!
Бедняк, одолеть и не тщись властителя злого
желанья!..
Мой дух до каленья нагрет, брести мне печальной
юдолью, —
Назначь своенравью запрет, предел положи
своеволью!

И пусть, Увайси, твой ответ и с горечью будет и
с солью.
И, если жить хочешь без бед, не знаться
ни с мукой, ни с болью,
Терпи, Физули, чтоб сбылись в любви твоей снова
желанья!

МУХАММАСЫ

* * *

Ты свиданием не лечишь — что ж, разлукой
мучай, — слава!
Если скуп ты милосердьем, — что ж, обиде жгучей
слава!
В цветнике твоём застонет соловей певучий, —
слава!
Да пронзит мне грудь стократно мукою колючей, —
слава!
Козням всем твоим лукавым, что мне дарит
случай, слава!
Я все очи проглядела, грустью по тебе убита,
Хмель любви в заветный кубок нацедила я сквозь
сито,
Лишь письмо к тебе в разлуке мне опера и защита,
Страсть к тебе в душе таю я, боль моя во мне
сокрыта, —
На торгах любви бесценной — муке неминуемой
слава!
С твоим светом не сравниться никаким другим
светилам,
Кипарис, тебя увидев, станет грустным и унылым,

Жемчугам с твоей улыбкой и равняться не
по силам,
Бог судил моему духу рдеть неугасимым пылом, —
Дивен лик твой, хоть чреваты твои очи тучей,
слава!

Ах, зачем наслал мне бедствий и страданий
без числа ты?
Хмель соперницам даруя, злые делаешь дела ты.
Дал бы мне хоть чашу хмеля, а не плел бы путы
зла ты!

В сердце ревность мне зажег ты, плоть мою спалил
дотла ты, —
Мотылек в огне сгорает, но свече горючей — слава!

Неблагим твоим поступкам все влюбленные
дивятся,
Моим стонам все страдальцы, изумленные, дивятся,
Твоей щедрости владыки благосклонные дивятся,
Твоим злым речам и дети несмышленные дивятся,
Но стократ скажи их снова — ладу их созвучий
слава!

От земли до небосвода всё объято моим стоном,
От огня горят пустыни, гул стоит над небосклоном,
Ты меня очами ранишь, словно бы мечом точеным,
Ты врагам моим от бедствий сделал Увайси
заслоном, —
Твоим стрелам она — жертва, — рати их летучей
слава!

* * *

Милый друг ко мне идет — радостью хмельна я
ныне,
Над челом моим — венец, им озарсна я ныне.

Прочь печаль! Я — счастья гость, радости верна я
ныне,

Но от гнета долгих мук сердцем смятена я ныне,
Гнев небес жесток: терплю злые времена я ныне.

От разлуки сотни ран ноют в сердце болью
страсти,

В голове моей — дурман, сердце порвано на части,
Дух мой скорбью обуян, плачу я от бед напасти,
Мне удел скитаний дан: жертва мук, в твоей я
власти, —

Словно смерч в песках пустынь, мчусь, не зная
сна, я ныне.

То не горестный Меджнун в рубище бредет,
поверьте,

То не пленник гор — Фархад терпит горя гнет,
поверьте,

То не скорбный в горе люд горько слезы льет,
поверьте,

То — померк мой бедный ум от лихих невзгод,
поверьте, —

Не дивись, о муж ума, если неумна я ныне!

Я в душе своей храню звук твоих речей, страдаю.
О, как жажду я узреть свет красы твоей, страдаю!
Вспомню розу — слезы лью, словно соловей,

страдаю,

Дивный образ твой таю я в душе моей, страдаю, —
Скрывший лепестки бутон, тайных дум полна
я ныне.

Птицу сердца моего ты палишь в огне напрасно,
Перлы моего ума ищешь ты в казне напрасно,
И свеча моей души, зная, горит во мне
напрасно,

ЗАГАДКИ- ПРИБАУТКИ

* * *

Что за птица: не видна, а у перьев —
красный цвет?
Скачет день и ночь она — всадников быстрее нет.
День-деньской при ней вокруг — четверо
надежных слуг.
Рдеет кровью самоцвет, — вот загадке и ответ!
(Сердце; четверо слуг — глаза, рот, уши, нос)

* * *

Вот — без окон, без дверей теремок-домочек,
В нем уют для дочерей — ясноликих дочек.
А зайдем к девицам в дом, их сердца —
кровавый ком,
И на лицах всех кругом — толща оболочек.
(Гранат)

* * *

Летом, сочный и тяжелый, он — на дереве в одежде,
А зимой, сухой и голый, люб он всем уже
без кожи.
Птицам дан костяк — опорой служит плоти он
мясистой.
Что за птица, у которой скрыта плоть в наряд
костистый?
(Орех)

* * *

Две жемчужины морских, —
Вид у них бывает лих.
Что за птица: иногда
Зёрна сыплет из гнезда?

(Глаза)

* * *

Что такое: вот невеста —
Вся щербинками покрыта,
А завес на ней, завес-то
Как на гурии навито!

(Кукуруза)

* * *

Не видались два дружка,
Не увидятся и впредь,
А ведь даже волоска
Между ними не продеть!

(День и ночь)

* * *

Парочкой дружочки —
На одном гвоздочке.
Между ними встрянешь —
И себя поранишь.

(Ножницы)

* * *

Что такое: хоть без ног,
А несется без помех.
Не вздымает пыль с дорог,
А бежит быстрее всех.

(Вода)

КОММЕНТАРИИ

- Аяз — любимый раб правителя Махмуда Газнийского (999—1030).
- Бейт — двустишие.
- Бедиль — индийский поэт (1644—1721), писал на фарси.
- Вамык — герой дастана «Вамык и Узра» поэта XI века Унсури, образ несчастного влюбленного.
- Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.
- Даль — буква, имеет вид дуги, вертикально наклоненной влево; этой буквой заканчивается слово со значением «солнце».
- Джам (Джамшид) — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.
- Джим — буква, с которой начинается слово со значением «красота».
- Джейхун — старое, арабское название Амударьи.
- Дастан — поэтическое сказание.
- Диван — собрание стихов.
- Зулейха (Зулейка) — героиня дастанов.
- Зуннар — пояс, который носили христиане, подданные мусульманских правителей. Надеть зуннар означало отречься от ислама.
- Иса — Иисус Христос, причисляется мусульманами к числу великих пророков.
- Калям (калам) — тростниковое перо.
- Кавуши — калоши кожаные, национальные.
- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивалась трагедией.
- Лукман — легендарный врач и мудрец, проживший якобы 4400 лет благодаря лекарственным травам, которые ему удалось открыть.
- Махзуна — узбекская поэтесса XIX века.
- Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке, святыне мусульман.
- Мухаммас — форма восточной поэзии, пятистишие, в котором все строки имеют одну рифму.
- Навои — великий узбекский поэт (1441—1501).
- Най — музыкальный инструмент, флейта.

- Надира — видная узбекская поэтесса (1792—1842).
 Рейхан (райхон) — душистая трава базилик.
 Рубаб — струнный музыкальный инструмент.
 Саз — струнный музыкальный инструмент.
 Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.
 Танбур — струнный музыкальный инструмент.
 Фархад и Ширин — герои популярных поэмы Низами, Амира Хосрова, Навои.
 Физули — великий азербайджанский поэт (1494—1556).
 Хатам — легендарный арабский эмир, воплощение неограниченной щедрости.
 Ходжент — город в Таджикистане, ныне Ленинабад.
 Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.
 Хырка — власяница, рубище, одеяние дервишей.
 Хумаюн (Хумай) — легендарная птица, приносящая людям счастье. Иранцы считали, что тот, на кого падет тень этой птицы, становится царем или обретает все, к чему стремится.
 Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.
 Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.
 Юсуф (Юсуп), — герой поэтических произведений Востока.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

На обложке — рисунок работы художника П. Воронкина.

На фронтиспise — портрет поэтессы Увайси. Из фондов музея литературы имени Алишера Навои. Художник Р. Хабиб.

Поэтесса в саду. Художник К. Чепраков.

Поэтесса читает стихи. Художник К. Чепраков.

Увайси среди девушек. Художник Т. Джамалитдинов.

Миниатюра к «Хамсе» А. Навои, Коканд, XIX в.

Миниатюра к «Хамсе» А. Навои, Коканд, XIX в.

Горный пейзаж. Художник Н. Кузыбаев.

СОДЕРЖАНИЕ

Увайси. Предисловие М. Кадыровой	3
Газели	5
Мухаммасы	143
Загадки-прибаутки	156
Комментарии	158

Избранная лирика Востока

УВАЙСИ

Избранное

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1981

Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор З. Забровская

Сдано в набор 28.10.80. Подписано в печать 25.02.81.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура новая газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85+7 вкл. Уч.-изд. л. 3,85. Тираж 190000. Заказ № 4437.

Цена на типографской бумаге — 65 коп., на мелованной бумаге — 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана.
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

65к.